

237354

The image shows the front cover of an antique book. The cover is decorated with marbled paper featuring a pattern of dark brown, black, and red. The spine is bound in dark brown leather, showing signs of wear and age. A small, octagonal label with a blue border is affixed to the upper left corner of the cover, containing the handwritten number 237354.

35422-1888

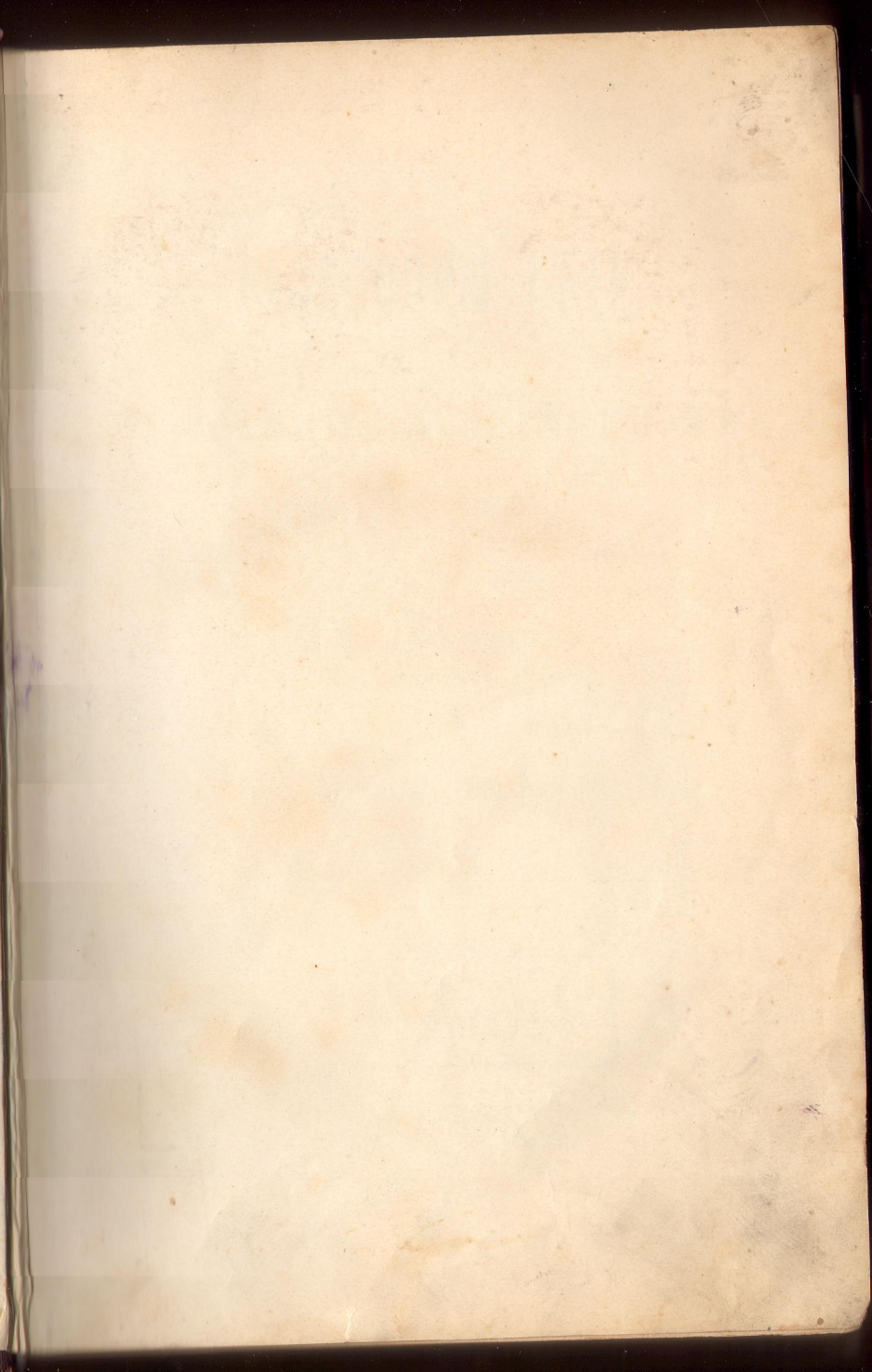
1810-1811

1

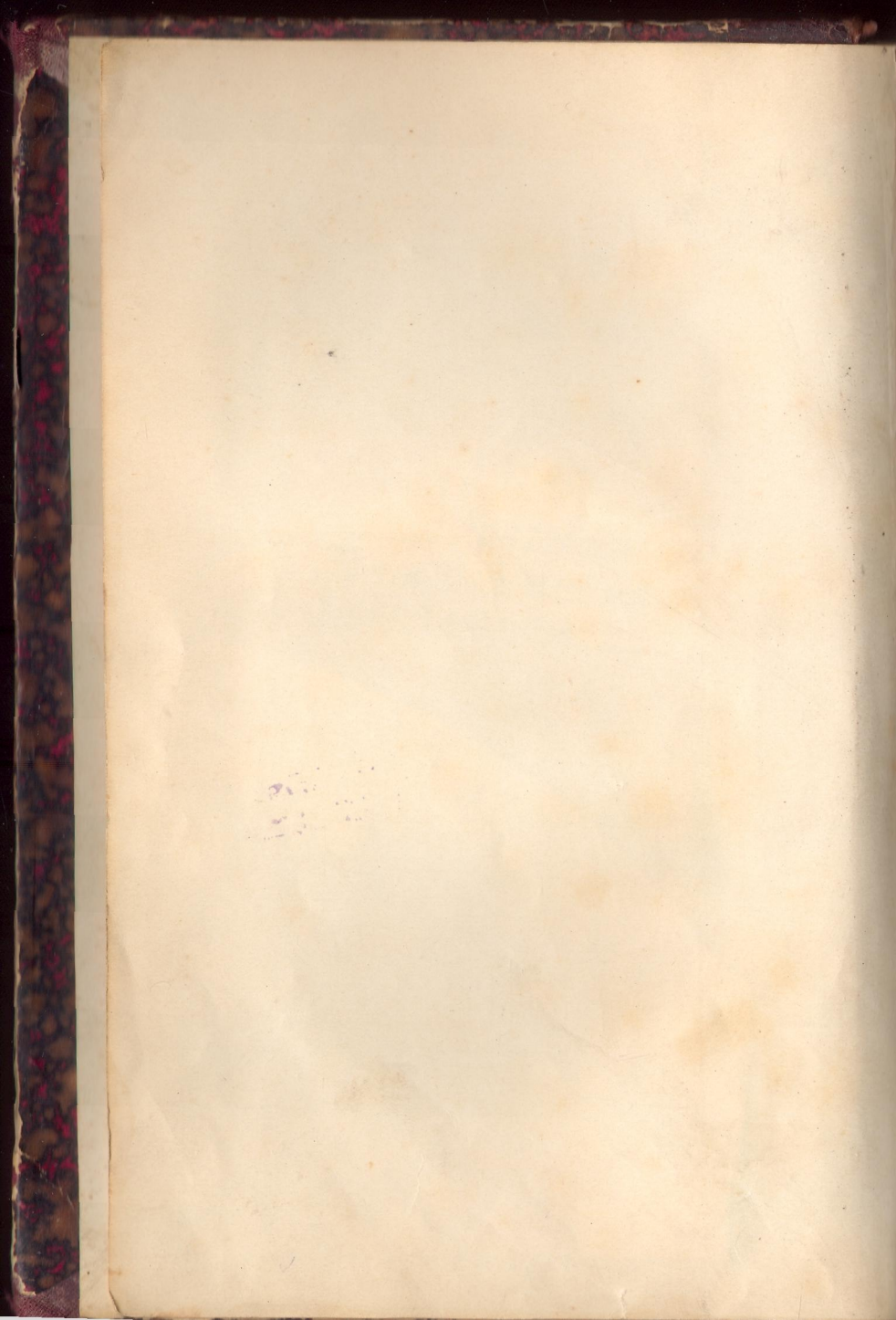

8¹⁵ (09) x 13 Tene -
- origine parat

150 2

РАЗГОВОРЫ ГЕТЕ

СОБРАННЫЕ ЭККЕРМАННОМЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Д. В. АВЕРКІЕВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

X 158

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1891

59.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 17 ЯНВАРЯ 1891 г.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Книга, предлагаемая читателю, принадлежит къ числу самыхъ живыхъ, оригинальныхъ и увлекательныхъ. Я, по крайней мѣрѣ, знаю не много другихъ, которыя обладали бы до такой степени свойствами книги по истинѣ настольной, которыя можно бы читать, если позволено такъ выразиться, походя, какъ *Разговоры Гете*. Много разъ и часто, въ тѣ дни, когда ничто не клеится въ головѣ, или въ скучныя минуты ожиданія, я раскрывалъ на угадъ *Разговоры*, и всегда, если не сразу, то перебросивъ двѣ, три страницы, нападалъ на мѣсто, которое невольно увлекало мысль, перенося ее въ болѣе возвышенную сферу. И, конечно, не я одинъ, узнавъ, полюбилъ эту книгу. Сошлюсь на Ѳ. И. Буслаева, который зоветъ ее своимъ «эстетическимъ евангеліемъ» и любитъ прочитывать изъ нея страничку, другую, «на сонъ грядущій».

Послѣ такого предисловія, читатель не удивится, если я скажу, что почувствовалъ себя счастливымъ, когда А. С. Суворинъ предложилъ мнѣ заняться

переводомъ *Разговоровъ*. Да, именно «счастливымъ», — это выраженіе при чтеніи книги не разъ попадется на глаза читателю. Эккерманнъ не рѣдко повторяетъ, что онъ «чувствовалъ себѣ счастливымъ», или «былъ радъ», слыша то или другое слово Гете, присутствуя, такъ сказать, при рожденіи той или иной высокой мысли. Переводя подобную книгу, подыскивая на родномъ языкѣ равноцѣнные выраженія для передачи ея всегда обдуманнаго, часто глубокомысленнаго и образнаго слова, невольно приходится какъ бы самому переживать ее; другими словами, постоянно поддерживать себя на значительной умственной высотѣ.

Я назвалъ *Разговоры* одной изъ самыхъ оригинальныхъ книгъ. И, дѣйствительно, она такова уже по самому предмету: вы переноситесь въ домашнюю обстановку Гете, вы присутствуете при его занятіяхъ, при его бесѣдахъ въ интимномъ кружкѣ или въ болѣе обширномъ обществѣ. Надо отдать ту справедливость Эккерманну, что онъ передаетъ не только мысли Гете, но часто самый тонъ его рѣчи, его внутреннее настроеніе. Вы чувствуете, что Гете былъ въ томъ или иномъ расположеніи духа, что онъ бесѣдовалъ съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ и ясностью, или же говорилъ съ извѣстнымъ возбужденіемъ и раздраженіемъ; порой звучатъ даже капризные, причудливыя ноты.

Все это придаетъ *Разговорамъ* необыкновенно живой колоритъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что Эккерманнъ записывалъ ихъ правдиво, безъ лукаваго мудрствованія. Онъ, напримѣръ, замѣчалъ проти-

ворѣчія въ словахъ Гете, но и не думалъ ихъ скрывать или сглаживать. Кстати сказать, читатель поступитъ благоразумнѣе, когда, открывъ то или другое противорѣчіе, не станетъ съ чувствомъ торжества застаиваться на своемъ открытіи, а постарается согласить разнорѣчивыя сужденія Гете, принявъ въ соображеніе, въ какомъ настроеніи и при какихъ обстоятельствахъ онъ ихъ высказывалъ, а равно на какую сторону предмета онъ упиралъ въ данномъ разговорѣ, желая выставить ее яснѣе и рельефнѣе.

II.

О чемъ же велись разговоры? О весьма и весьма различныхъ предметахъ: о греческой трагедіи и линяннѣ птицъ, о возможности прорытія Панамскаго канала и тайнахъ поэтического творчества, о паденіи барометра и литературы, о башкирскомъ лукѣ и художественномъ самовоспитаніи, о современныхъ политическихъ событіяхъ и воспоминаніяхъ о бывшихъ друзьяхъ, и прочая, и прочая. Но о чемъ бы ни велась бесѣда великимъ поэтомъ, который (чего не слѣдуетъ забывать) былъ въ то же время замѣчательнымъ натуралистомъ, мысль его всегда держалась на извѣстномъ высокомъ уровнѣ; старикъ, по мимолетному замѣчанію Эккерманна, всегда умѣлъ сказать что нибудь умное.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ Гете уже глубокимъ старцемъ, но старцемъ съ юношеской душой, непрерывно стремящейся къ самосовершенствованію, къ пополне-

нію старыхъ и усвоенію новыхъ познаній; передъ нами неустанный работникъ, которому за непрерывнымъ умственнымъ и творческимъ трудомъ просто некогда одряхлѣть и опуститься. Слово его не только разумно, но и многоопытно; оно васъ непрерывно возбуждаетъ къ мысли, заставляетъ вдумываться, и часто утѣшаетъ и укрѣпляетъ. Хотя извѣстное реченіе и велитъ намъ клясть того, кто раньше нашего выскажетъ наши мысли, но я рѣчаюсь, по крайней мѣрѣ за то, что не одинъ скромный художникъ, найдя въ словахъ Гете подтвержденіе своихъ невысказанныхъ думъ и воззрѣній, своихъ осуждаемыхъ стремленій, укрѣпится духомъ и, отстранивъ невольныя сомнѣнія, бодрѣе станетъ слѣдовать по избранному пути, не оглядываясь съ боязнью по сторонамъ. Какъ ни разнообразны предметы *Разговоровъ* Гете, какъ ни значительны высказываемыя имъ при томъ сужденія, все-таки несомнѣнно, по крайней мѣрѣ для меня, что самую существенную ихъ часть представляютъ бесѣды объ искусствѣ, то есть о дѣлѣ, которому Гете посвятилъ всю жизнь. Можно бы написать цѣлый этюдъ, соединивъ въ одно, на примѣръ, все сказанное Гете о художественномъ самовоспитаніи, въ видѣ ли предостереженій Эккерманну отъ увлеченія большими поэмами на придуманный самимъ авторомъ сюжетъ; или въ осужденіи поэтовъ, для которыхъ вопросы личнаго самолюбія важнѣе художественнаго дѣла; или въ видѣ совѣтовъ уѣзжающему въ Италію живописцу, или въ рассказѣ о томъ, какимъ испытаніямъ онъ подвергалъ вступавшихъ въ веймарскую труппу арти-

стовъ. Равно замѣчательно, что, вопреки ходячему мнѣнію, будто личный характеръ и художественный талантъ — вещи вполне раздѣльные и что можно быть прекраснымъ поэтомъ и дряннымъ человѣкомъ, Гете настаивалъ на томъ, что значеніе характера весьма существенно, что имъ опредѣляется то вліяніе, которое поэтъ оказываетъ на читателей; особенно же важно оно въ драматической поэзіи, столь непосредственно дѣйствующей на чувство зрителей. Точно также прекраснымъ поводомъ къ отдѣльному этюду можетъ послужить разговоръ о греческой трагедіи по поводу книги Гинрихса. Въ немъ, какъ и въ другихъ относящихся къ тому же предмету бесѣдахъ, обнаруживается не только глубокое изученіе греческой драматургіи, но и преимущество того критическаго приѣма, который не довольствуется сужденіемъ о поэтическомъ произведеніи съ опредѣленной, всегда условной, точки зрѣнія даннаго философски-отвлеченнаго ученія, а рассматриваетъ его, какъ живое явленіе, изучаетъ его, какъ живое цѣлое.

Такіе этюды, впрочемъ, были бы не совсѣмъ уместны въ предисловіи къ *Разговорамъ*. Въ самомъ дѣлѣ, если одно изъ важныхъ достоинствъ предлагаемой книги заключается именно въ томъ, что она, возбуждая въ читателѣ мысли, съ тѣмъ вмѣстѣ побуждаетъ и его самого къ самостоятельному мышленію, къ самостоятельному изслѣдованію предмета, то желаніе стать лишнимъ посредникомъ между Гете и читателемъ, претензія облегчить для послѣдняго изученіе *Разговоровъ* оказалась бы только помѣ-

хой для того именно дѣйствія самой книги, которое такъ и желательно, и благотворно. Вотъ почему я ограничился только указаніемъ на возможность этюдовъ. Въ этомъ же заключается и причина, почему я отъ души желаю, чтобъ *Разговоры* прочлись возможно большимъ числомъ молодыхъ людей, по крайней мѣрѣ тѣми изъ нихъ, кого предназначаетъ себя къ литературному поприщу.

Въ послѣднее время, у насъ въ большой модѣ упрекать молодежь въ маломъ литературномъ образованіи, въ малой умственной работѣ и даже чуть ли не въ поголовной бездарности. Нашимъ литературнымъ Фамусовымъ, съ ихъ вѣчнымъ «вы, нынѣшніе—нут-ка!» не мѣшало бы быть нѣсколько скромнѣе, ибо вѣдь и имъ приходится чаще ссылаться на дядю Максима Петровича, чѣмъ на собственную умственную самостоятельность. Не мѣшало бы вникнуть и въ причины извѣстной умственной вялости, которая, дѣйствительно, замѣчается въ нашемъ обществѣ, хотя далеко не въ одномъ молодомъ поколѣніи, но пожалуй еще больше въ тѣхъ, кто журить его съ высоты педантскаго величія. Я засталъ еще въ университетѣ добрыя преданія, которыя требовали отъ всякаго способнаго юноши непосредственнаго знакомства, посильно-самостоятельнаго изученія какого нибудь литературнаго *первоисточника*, какого нибудь знаменитаго писателя. Составлялись кружки, гдѣ помогали другъ другу въ такой работѣ. Затѣмъ времена измѣнились: отъ молодежи потребовали увлеченія извѣстными мнѣніями, принадлежности къ извѣстному толку. Все,

что мѣшало правотѣнности воззрѣній, почитавшихся самыми новыми и просвѣщенными, или самыми основательными и полезными, тщательно скрывалось, замалчивалось или опорочивалось. Составленъ былъ *index* полезныхъ и вредныхъ книгъ. Я недавно прочелъ признанія одного бывшаго эмигранта, что, постоянно читая рекомендованныя однимъ изъ такихъ индексовъ книги, онъ и его несчастные товарищи въ сущности читали все одну и ту же книгу. Конечно, съ точки зрѣнія укрѣпленія въ извѣстныхъ мнѣніяхъ, такая ограниченность чтенія полезна, но она нѣсколько напоминаетъ старинную долбежку. Сказанное объ индексѣ радикальнаго направленія приложимо и ко всѣмъ инымъ, какъ либеральнымъ, такъ и консервативнымъ. Молодежь не только отвлекалась отъ самостоятельнаго изученія и мышленія, но ей это вмѣнялось въ особую честь, ей многіе годы расточалась лесть именно за ея правотѣrie въ томъ или иномъ направленіи, за ея недалеконovidную разборчивость въ выборѣ книгъ для чтенія. Скажите на милость, что же могла породить такая однообразная умственная пища, хотя бы и одобренная самымъ моднымъ перцемъ, такая мыслительная жвачка, кромѣ умственной оскомины и вялости?

Да извинить меня читатель за это невольное отступленіе: оно вовсе не такъ неумѣстно, какъ то кажется съ перваго взгляда, въ книгѣ, которую можно причислить къ умственнымъ первоисточникамъ и которая способна возбуждать самостоятельную работу мысли. Пожелаемъ же ей счастливого пути въ нашемъ отечествѣ!

III.

Теперь скажемъ о происхожденіи книги и о личности ея составителя.

Иоганнъ Петръ Эккерманнъ родился въ 1790 году, въ небольшомъ городкѣ близъ Гамбурга, въ весьма недостаточной семьѣ: у его отца былъ всего акръ земли подъ огородомъ, да кормилица-корова, служившая большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Отецъ его былъ торговецъ, разносившій товары по окрестнымъ деревнямъ. Эккерманнъ росъ, добывая кормъ для коровы, служа ей пастухомъ, собирая хворостъ для топлива и желуди для продажи, да работая на огородѣ; когда онъ достаточно окрѣпъ, то сталъ помогать отцу въ разносной торговлѣ. Урывками онъ посѣщалъ школу и кое-какъ научился читать и писать. Такъ онъ дожилъ до тринадцати лѣтъ, не зная, что на свѣтѣ существуютъ такія вещи, какъ поэзія и изящныя искусства.

Но у мальчика, предназначеннаго для иной судьбы, нечаянно открылся талантъ къ рисованію. Его рисовальныя тетрадки попались въ руки добрымъ людямъ, которые, видя его даровитость, стали всячески помогать ему; одни позволили ему присутствовать при урокахъ своихъ дѣтей, и Эккерманнъ подучился по французски, немного по латыни и музыкѣ; другіе снабжали его платьемъ, или приглашали ежедневно къ обѣду. Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ сталъ усерднѣе посѣщать школу: то, что въ ней преподавалось, уже стало интересовъ его.

Пошелъ ему семнадцатый годъ, и подошло время конфирмаціи. А затѣмъ ему уже предстояло вступить въ жизнь и зарабатывать самому кусокъ хлѣба. Онъ поступилъ на службу въ качествѣ писца. Между тѣмъ наступили великія политическія событія, и его родной городокъ Винзенъ, на Луге, изъ ганноверскаго сталъ французскимъ. Эккерманнъ продолжалъ службу, перемѣщаясь съ мѣста на мѣсто, благодаря разнымъ административнымъ преобразованіямъ и перемѣнамъ.

1813-й годъ засталъ его на мѣстѣ секретаря меріи въ Бевезенѣ, но тутъ явились казаки и возвратили, что наступилъ часъ освобожденія отъ французовъ. Эккерманнъ немедленно вступилъ въ армію—волонтеромъ. Война привела его во Фландрію и Брабантъ. И тутъ, по его словамъ, открылся для Эккерманна новый міръ; онъ цѣлые дни сталъ проводить въ церквахъ и музеяхъ передъ картинами нидерландскихъ мастеровъ. Онъ увѣрился въ своемъ призваніи быть живописцемъ, и тотчасъ-же, доставъ чернаго мѣла и бумаги, принялся за копіи.

Между тѣмъ война окончилась, и Эккерманну пришлось воротиться домой. И здѣсь мысль сдѣлаться живописцемъ его не покидала; съ этой цѣлью онъ пѣшкомъ, зимой, по глубокому снѣгу, отправился въ Ганноверъ, гдѣ немедля ревностно принялся за ученіе, и дѣло пошло весьма успѣшно. Но онъ вскорѣ заболѣлъ: руки у него стали трястись до такой степени, что онъ не могъ держать кисти. По счастью, ему удалось пристроиться при ганноверскомъ военномъ министерствѣ. Онъ опра-

вился, и возымѣлъ возможность, при помощи чтенія, пополнять свое образованіе.

Въ тѣ дни славился Теодоръ Кернеръ, и сборникъ его патріотическихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ *Лира и мечъ*, попался подъ руки Эккерманну. Хотя ему случалось и прежде пописывать небольшіе стишки, но онъ не придавалъ имъ особаго значенія; тутъ же онъ впервые, на примѣрѣ Кернера, увидѣлъ, что значитъ поэтическая слава, и ему вздумалось испытать себя на поэтическомъ поприщѣ; сюжетъ у него нашелся, такъ-сказать, готовый: онъ самъ вынесъ тягости и лишенія солдатской жизни, и въ стихотвореніи сопоставилъ ее съ мирной, протекающей въ довольствѣ жизнью бюргера.

Стихотвореніе было напечатано въ ста экземплярахъ, и имѣло успѣхъ, превосшедшій всѣ ожиданія автора. Оно было перепечатано въ газетахъ и доставило Эккерманну множество знакомствъ. Всѣ его поощряли къ дальнѣйшему писанію. И не проходило недѣли, чтобъ его не посѣщала муза. При этомъ, по собственному сознанію Эккерманна, у него не было ни настоящихъ знаній, ни образованія. Ему посовѣтовали изучать великихъ нѣмецкихъ поэтовъ, и особенно рекомендовали его вниманію Шиллера и Клопштокъ. Онъ добылъ ихъ сочиненія, прочелъ, дивился ихъ таланту, но чувствовалъ, что не можетъ слѣдовать за ними.

«Въ это время», говоритъ онъ, «я впервые услышалъ имя Гете и досталъ томикъ его стихотвореній. Я читалъ и перечитывалъ его пѣсни, и при

этомъ испытывалъ счастье, котораго нельзя выразить словами. Мнѣ казалось, что я только-что проснулся и пришелъ къ сознанию себя; мнѣ казалось, что въ этихъ стихахъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась моя собственная, дотолѣ мнѣ неизвѣстная внутренняя жизнь».

Онъ жилъ этими пѣснями цѣлые недѣли и мѣсяцы; затѣмъ онъ досталъ *Вильгельма Мейстера*, затѣмъ автобіографію Гете и его драматическія сочиненія. *Фаустъ* въ началѣ его устрашалъ своимъ мрачнымъ содержаніемъ, но загадочный герой непольно вновь манилъ его къ себѣ, и онъ постепенно сталъ вчитываться въ поэму и удивляться ей. Онъ сталъ жить Гете, и ни о чемъ не могъ говорить, кромѣ какъ о Гете.

Изученіе Гете значительно расширило его умственный горизонтъ, а кто начинаетъ чувствовать, что видитъ уже далеко, тому хочется заглянуть еще дальше. И Эккерманнъ принялся за чтеніе великихъ иностранныхъ поэтовъ былыхъ временъ, и прочелъ въ лучшихъ переводахъ не только замѣчательнѣйшія пьесы Шекспира, но также Софокла и Гомера.

Но онъ всюду слышалъ, что образованіе, и при томъ классическое, необходимо для того, чтобъ стать хорошимъ поэтомъ, и принялся за греческій и латинскій языки; сначала, втеченіе года, онъ бралъ частные уроки, а затѣмъ рѣшился, не смотря на свой двадцатипятилѣтній возрастъ, поступить въ гимназію, куда и былъ принятъ въ *секунду*. Между тѣмъ, Эккерманну нельзя было бросить службу,

дававшую ему средства къ существованію. И вотъ какъ распредѣлялся его день: онъ вставалъ въ пять и начиналъ готовить уроки; отъ восьми до десяти былъ въ школѣ, откуда бѣжалъ въ канцелярію, на службу, и оставался тамъ почти до часу. Затѣмъ спѣшилъ домой, на-скоро обѣдалъ, и снова въ школу, гдѣ оставался до четырехъ; отъ четырехъ до семи снова сидѣлъ въ канцеляріи, и остальной вечеръ посвящалъ приготовленію уроковъ для гимназіи и бралъ сверхъ того частные уроки. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ почувствовалъ, что надрываетъ свои и нравственные, и тѣлесныя силы. Совмѣстить службу и гимназію оказалось невозможнымъ, и Эккерманнъ принужденъ былъ ограничиться частными уроками, не оставляя мысли хотя годъ пробыть въ университетѣ.

Мечтѣ его, наконецъ, суждено было сбыться; благодаря благорасположенію начальства, при отставкѣ, ему была назначена на два года стипендія въ 150 талеровъ для продолженія образованія. Ему удалось также, при помощи подписки между знакомыми, издать сборникъ своихъ стихотвореній, отъ продажи котораго онъ получилъ еще 150 талеровъ.

На эти средства онъ два года прожилъ въ Геттингенѣ, слушая первый годъ юридическія науки, а второй—филологическія, и заботясь всего болѣе о пополненіи своего общаго образованія. Университетская жизнь, продолжавшіеся далеко за полночь бесѣды и споры съ товарищами о высокихъ предметахъ много способствовали его дальнѣйшему развитію.

Въ Геттингенѣ онъ оставался до осени 1822, когда удалился въ деревню близъ ГанOVERA, чтобъ написать *Beiträge zur Poesie*, гдѣ ему хотѣлось высказать свой взглядъ на поэзію, во многомъ противоположный тогдашнимъ ходячимъ мнѣніямъ. Въ маѣ 1823 работа была окончена, и Эккерманнъ отослалъ свою рукопись Гете, прося его замолвить за нее словечко книгопродавцу Котта. Надо замѣтить, что въ это время Эккерманнъ уже былъ не безизвѣстенъ Гете. Именно, издавъ сборникъ стихотвореній, онъ послалъ экземпляръ Гете, при письмѣ, гдѣ вкратцѣ описалъ свою жизнь и ходъ своего образованія. Гете не только отвѣчалъ на письмо, но Эккерманнъ имѣлъ счастье слышать отъ пріѣзжихъ изъ Веймара, что Гете хорошаго о немъ мнѣнія и хочетъ написать о немъ въ своемъ изданіи *Искусство и Древность*. Въ Эккерманнѣ загорѣлось желаніе увидѣть Гете, и онъ, не долго думая, пѣшкомъ отправился въ Веймаръ, гдѣ негаданно остался до конца жизни.

Но о своихъ сношеніяхъ съ Гете Эккерманнъ расскажетъ самъ, и намъ остается добавить, что онъ всю свою жизнь прожилъ въ Веймарѣ, гдѣ въ послѣдствіи сдѣлался наставникомъ наслѣднаго принца, получилъ званіе придворнаго совѣтника, и скончался 3-го декабря 1854 г., пользуясь общимъ уваженіемъ.

Свою книгу онъ посвятилъ великой княгинѣ и великой герцогинѣ Маріи Павловнѣ.

IV.

Что побудило Эккерманна записывать разговоры Гете? Онъ объясняетъ это своей природной склонностью записывать все сколько нибудь выдающееся и цѣнное въ его жизни, съ цѣлью лучшаго усвоенія. Но онъ сознается, что записалъ далеко не все, слышанное имъ отъ Гете въ теченіе девяти лѣтъ, сравнивая себя съ ребенкомъ, который, подставля свои горсточки, думаетъ что сберетъ въ нихъ весь дождь. «Часто проходили цѣлые мѣсяцы, а звѣзды все не благопріятствовали моей работѣ», говоритъ онъ, «нездоровье, дѣла и тысячи ежедневныхъ заботъ не позволяли мнѣ написать ни строчки; затѣмъ, созвѣздія становились благопріятнѣе, и у меня находилось вновь и здоровье, и досугъ, и охота къ писанью. И притомъ, гдѣ такое долгое сожителство съ однимъ и тѣмъ же человекомъ, которое не перемежалось-бы равнодушіемъ? И гдѣ человекъ, умѣющій какъ должно цѣнить настоящее?»

Этимъ Эккерманнъ объясняетъ тѣ пробѣлы, которые встрѣчаются въ его книгѣ. Значеніе же книги онъ изъясняетъ слѣдующими словами: «По моему убѣжденію, въ этихъ разговорахъ не только содержится множество разъясненій и неоцѣнимыхъ идей о жизни, искусствѣ и наукѣ, но заключающіеся въ нихъ наброски съ натуры будутъ способствовать восполненію того образа, который можно составить себѣ о Гете на основаніи его разнообраз-

ныхъ сочиненій. Я, впрочемъ, далекъ отъ мысли, что въ нихъ рисуется вся внутренняя жизнь Гете».

Нельзя не согласиться со словами Эккерманна: безъ его книги мы меньше бы знали Гете и, что важнѣе, меньше бы *любили* его.

Свои отношенія къ Гете Эккерманнъ характеризуетъ слѣдующими словами: «Мои отношенія къ нему были особаго рода и весьма нѣжнаго свойства. То были отношенія ученика къ учителю, сына къ отцу, человѣка, жаждущаго образованія, къ человѣку съ богатымъ образованіемъ».

«Его разговоръ», продолжаетъ онъ, «былъ столь же многообразенъ, какъ и его сочиненія. Онъ былъ постоянно тѣмъ же самымъ и постоянно инымъ. Порой его занимала какая нибудь великая идея, и его слова лились обильно и неисчерпаемо... Въ другое время, онъ, напротивъ, былъ нѣмъ и односложенъ: казалось, его душу застилаетъ туманъ; выпадали и такіе дни, что думалось, будто онъ полонъ леденящаго холода, и отъ него вѣялъ рѣзкій вѣтеръ, какъ со снѣжныхъ полей».

Эти перемежающіяся состоянія духа, конечно, свойственны, болѣе или менѣе, всѣмъ; гораздо характернѣе слѣдующее замѣчаніе Эккерманна:

«Его самообладаніе было велико, и составляло выдающуюся особенность его характера. Оно было родственно той высокой осмотрительности, которая всегда помогала ему владѣть матерьяломъ и придавать своимъ отдѣльнымъ произведеніямъ ту художественную законченность, которой мы дивимся въ немъ. Но, въ силу той же особенности, какъ

во многихъ своихъ сочиненіяхъ, такъ и въ устныхъ разъясненіяхъ, онъ часто былъ какъ бы связанъ и весьма осмотрителенъ. Но выпадали счастливые моменты, когда его побуждалъ болѣе могущественный «демонъ», и самообладаніе покидало его, — тогда его разговоръ становился юношески-кипучимъ, какъ горный потокъ, стремящійся съ вершины. Въ такія мгновенія онъ высказывалъ самое великое и лучшее, что заключалось въ его богатой натурѣ, и тогда-то становилось понятно, почему друзья его молодости утверждали, что его *устное* слово выше написаннаго и напечатаннаго».

Сверхъ собственныхъ ежедневныхъ замѣтокъ, Эккерманнъ, при писаніи *Разговоровъ*, пользовался также записками Сорэ, воспитателя наслѣднаго принца, съ которымъ читатели скоро познакомятся. Все взятое изъ дневника Сорэ, для отличія отъ записаннаго самимъ Эккерманномъ, обозначено звѣздочкой. Замѣтки Сорэ служатъ и дополненіемъ, и вступленіемъ къ разсказу самого Эккерманна.

V.

Въ заключеніе, мнѣ остается сказать, что въ переводѣ я старался по возможности точно передавать не только слова Гете, но и то настроеніе, въ которомъ онъ говорилъ и которое живо чувствуется при чтеніи Эккерманна. Я дозволилъ себѣ высказывать по временамъ, въ примѣчаніяхъ, тѣ мысли, которыя возбуждались во мнѣ при чтеніи, а равно

назавшіяся мнѣ необходимыми разъясненія идей и позрѣній Гете, сближая порою, ради вѣщей наглядности, явленія нѣмецкой и нашей жизни. Сверхъ того, переводъ снабженъ примѣчаніями, взятыми изъ нѣмецкаго изданія г. Гейнриха Дютцера и французскаго перевода г. Эмиля Делеро. Примѣчанія и добавленія послѣдняго особенно драгоцѣнны; такъ, ему принадлежатъ всѣ цитаты изъ писемъ Гете или сочиненій о немъ, разъясняющія или дополняющія высказанныя въ *Разговорахъ* мнѣнія и идеи.

Д. Аверкіевъ.

9-го января
1891 г.

1822.

* Суббота, 21-го сентября 1822¹⁾.

Сегодня вечеромъ у Гете съ придворнымъ совѣтникомъ Мейеромъ²⁾; разговоръ касался преимущественно минералогіи, химіи и физики. Явленія поляризаціи свѣта, повидимому, особенно его интересуютъ. Онъ показалъ мнѣ нѣсколько приборовъ,

¹⁾ Разсказъ начинается выдержками изъ журнала Сорэ, приведеннаго въ порядокъ и изданнаго Эккерманномъ. Въ нѣмецкихъ изданіяхъ они помѣщаются обыкновенно въ третьей добавочной части «разговоровъ» вмѣстѣ съ добавленіями самого Эккерманна. По примѣру французскаго переводчика, мы предпочли держаться хронологическаго порядка. Выписки изъ Сорэ обозначены звѣздочкой. Сорэ родился въ 1795 г., въ Петербургѣ, воспитывался съ 1800 г. въ Женевѣ. Въ 1822 г. онъ былъ приглашенъ великой княгиней и герцогиней Маріей Павловной въ воспитатели ея сына, наследнаго принца Карла-Александра (р. 1818 г.).

²⁾ Мейеръ, старинный другъ Гете, живописецъ и уважаемый критикъ, извѣстный своей исторіей искусства и изданіемъ Винкельмана. Онъ вмѣстѣ съ Гете путешествовалъ по Италіи, и затѣмъ поселился въ Веймарѣ, гдѣ и умеръ въ 1832 г. Онъ былъ директоромъ рисовальной школы.

построенныхъ большею частію по его рисункамъ, и выразилъ желаніе сдѣлать нѣсколько опытовъ со мною. Въ теченіе разговора Гете велъ себя непри-
нужденно и былъ общителенъ. Я пробылъ у него болѣе часа, и при прощаньи онъ наговорилъ мнѣ много любезностей.

Про его наружность можно сказать, что она красива до сихъ поръ; особенно величественны лобъ и глаза. Онъ высокъ, хорошо сложенъ, и на видъ такъ крѣпокъ, что трудно понять, почему онъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ объявилъ, что слишкомъ старъ, чтобъ являться ко двору и въ обществѣ.

* Вторникъ, 24-го сентября 1822.

Провелъ вечеръ у Гете съ Мейеромъ, сыномъ Гете¹⁾, г-жей фонъ-Гете²⁾ и его докторомъ, придворнымъ совѣтникомъ Рэбейномъ. Гете былъ сегодня особенно оживленъ. Онъ показывалъ мнѣ великолѣпныя штутгартскія литографіи,—нѣчто совершенное въ своемъ родѣ; я не видалъ еще ничего подобнаго. Затѣмъ мы говорили о научныхъ предметахъ, особенно объ успѣхахъ химіи. Іодъ и хлоръ особенно занимаютъ Гете; онъ съ изумленіемъ говорилъ объ этихъ веществахъ, какъ будто эти новыя химическія открытія поразили его своей неожиданностью. Онъ приказалъ принести немного іоду, и сталъ превращать его въ пары на пламени восковой свѣчки; при этомъ, онъ, восхищаясь фіолетовыми парами, видѣлъ въ нихъ пріятное подтвержденіе одного изъ законовъ своей теоріи цвѣтовъ.

¹⁾ Августъ фонъ-Гете, камергеръ. ²⁾ Жена Ав. Гете.

* Четвергъ, 1-го октября 1822.

На вечерѣ у Гете. Между приглашенными я замѣтилъ г. канцлера Мюллера ¹⁾, президента Пейцера ²⁾, д-ра Стефана Шютца ³⁾ и правительственного совѣтника Шмидта ⁴⁾; послѣдній исполнилъ съ рѣдкимъ совершенствомъ нѣсколько сонатъ Бетховена. Мнѣ доставила большое удовольствіе бесѣда съ Гете и его невѣсткой, которая юношески весела и соединяетъ съ непринужденной любезностью бездну остроумія.

* Четвергъ, 10-го октября 1822.

На вечерѣ у Гете со знаменитымъ Блюменбахомъ изъ Геттингена ⁵⁾. Блюменбахъ уже старъ, но любезенъ и веселъ; онъ сумѣлъ сохранить подвижность молодости. По виду его никакъ нельзя принять за ученаго. Онъ непринужденно сердеченъ и веселъ, безо всякихъ церемоній, и съ нимъ скоро чувствуешь себя какъ со старымъ знакомымъ.

* Вторникъ, 5-го ноября 1822.

У Гете на вечерѣ. Тамъ былъ живописецъ Кольбе ⁶⁾. Показывали его отличную работу: копію съ

¹⁾ Канцлеръ Мюллеръ † 1849 г. ²⁾ † 1849 г. Президентъ консисторіи, старинный другъ Гете, переводчикъ трагедій Вольтера и *Ифигеніи* Расина. Въ 1810 г. *Заира* Вольтера исполнялась въ Веймарѣ въ его переводѣ. ³⁾ Поэтъ и эстетикъ, † 1839 г.

⁴⁾ Большой любитель музыки, † 1850 г.

⁵⁾ Блюменбаху было въ то время семьдесятъ лѣтъ; онъ жилъ дольше Гете и умеръ восьмидесяти восьми лѣтъ. Всю свою жизнь знаменитый натуралистъ прожилъ въ Геттингенѣ.

⁶⁾ Историческій и жанровый живописецъ, профессоръ берлинской академіи изящныхъ искусствъ, † 1823 г. Онъ выставилъ свои картины въ Веймарѣ и сдѣлалъ тамъ нѣсколько портретовъ.

Тиціановской Венеры въ дрезденской галлерей.— Я видѣлъ также г. Эшвеге¹⁾ и знаменитаго Гуммеля²⁾. Гуммель цѣлый часъ импровизировалъ на фортепьяно, съ силой и талантомъ; которыхъ, не слышавъ его, невозможно себѣ представить. Его разговоръ простъ и естествененъ, и самъ онъ чрезвычайно скромненъ для столь извѣстнаго виртуоза.

* Вторникъ, 3-го декабря 1822.

У Гете на вечеръ. Между присутствующими были гг. Риммеръ³⁾, Кудрэ⁴⁾, Мейеръ, сынъ Гете и г-жа фонъ-Гете.

Іенскіе студенты взбунтовались; для ихъ усмиренія посланъ отрядъ артиллеріи. Риммеръ читалъ собраніе пѣсенъ, которыя запретили пѣть студентамъ,—что и было поводомъ или предлогомъ къ возмущенію. Всѣ эти пѣсни въ чтеніи имѣли рѣшительный успѣхъ, благодаря несомнѣнному таланту, съ которымъ написаны; самъ Гете нашелъ ихъ прекрасными и обѣщалъ мнѣ дать ихъ для прочтенія.

Мы долго разсматривали гравюры и дорогія изданія, и затѣмъ Гете доставилъ намъ удовольствіе чтеніемъ своего *Харона*⁵⁾. Я не могъ не подивиться ясности, отчетливости и энергіи его дикции. Я никогда не слышалъ такой превосходной декламации. Какой огонь! Какіе взгляды! И что за голосъ, то гремѣющій, то вновь нѣжный и тихій! Быть

¹⁾ Эшвеге, минералогъ и геологъ; авторъ сочиненія о Бразилии, гдѣ онъ служилъ главнымъ начальникомъ по горной части.

²⁾ Извѣстный музыкантъ, великогерцогскій капельмейстеръ.

³⁾ См. ниже, подъ 14 окт. 1824 г.

⁴⁾ Придворный архитекторъ.

⁵⁾ Переводъ новогреческой пѣсни.

можетъ, повременамъ онъ читалъ слишкомъ сильно для небольшой комнаты, въ которой мы сидѣли, но въ его чтеніи не было ничего, чего было бы желательно избѣгнуть.

Затѣмъ Гете говорилъ о литературѣ и своихъ сочиненіяхъ, о *m-me de Staël*, и тому подобномъ. Теперь онъ занимается переводомъ и соединеніемъ въ цѣлое отрывковъ Эврипидовскаго *Фаэтона*. Онъ началъ работу уже съ годъ тому, и надняхъ снова взялся за нея.

* Четвергъ, 5-го декабря 1822.

Сегодня вечеромъ я слышалъ у Гете репетицію перваго акта оперы *Графъ фонъ-Глейхенъ*, которую пишетъ Эбервейнъ¹⁾. Мнѣ сказали, что съ тѣхъ поръ, какъ Гете оставилъ управленіе театромъ, сегодня въ первый разъ у него собрался такой большой оперный персоналъ. Въ хорахъ участвовали также знакомыя Гете дамы; соловья же партіи исполнялись оперными пѣвцами. Нѣкоторые номера показались мнѣ весьма замѣчательными, особенно четырехъ-голосный канонъ.

* Вторникъ, 17-го декабря 1822.

Вечеромъ у Гете. Онъ былъ очень веселъ и съ большимъ умомъ говорилъ на тему, что глупости отцовъ не приносятъ пользы дѣтямъ. Производящіе теперь изслѣдованія по открытію соляныхъ ключей весьма его интересуютъ. Онъ порицалъ глупость нѣкоторыхъ предпринимателей, которые не обращаютъ вниманія на внѣшніе признаки, на рас-

¹⁾ Директоръ придворнаго оркестра.

положеніе и послѣдовательность слоевъ, подъ коими лежитъ соль; вмѣсто того, чтобы отыскать подходящее мѣсто, они наугадъ буравятъ дыру все въ одномъ и томъ же пунктѣ.

1823.

* Понедѣльникъ, 9-го февраля 1823.

Сегодня вечеромъ я засталъ Гете одного; онъ говорилъ съ Мейеромъ. Я просматривалъ альбомъ съ автографами знаменитостей прошлыхъ вѣковъ, какъ-то—Лютера, Эразма, Мосгейма и другихъ. Послѣдній написалъ по-латыни слѣдующія замѣчательныя слова: «Слава есть источникъ труда и страданій; неизвѣстность—источникъ счастья».

* Понедѣльникъ, 23-го февраля 1823.

Гете нѣсколько дней тому опасно заболѣлъ; вчера онъ былъ безнадеженъ. Но сегодня произошелъ кризисъ, и онъ, вѣроятно, будетъ спасенъ. Еще сегодня утромъ онъ говорилъ, что считаетъ себя погибшимъ; позже, въ полдень, онъ выразилъ надежду, что поправится; а вечеромъ опять сказалъ, что, если выздоровѣетъ, то надо признаться, что для старика онъ игралъ слишкомъ высокую игру.

* Вторникъ, 24-го февраля 1823.

Сегодня ходили о Гете неуспокоительныя слухи; въ полдень не обнаружилось такого улучшенія, какъ вчера. Въ припадкѣ слабости, онъ сказалъ не-

вѣсткѣ: «Чувствую, что насталь моментъ, когда во мнѣ началась борьба жизни со смертью».

Но вечеромъ больной былъ уже въ полномъ сознаниі, и даже вновь обнаружилъ, шутливость. «Вы очень боязливы въ употребленіи средствъ, сказалъ онъ Рэбейну.—Вы черезчуръ меня нѣжите! Съ такимъ больнымъ, какъ теперь я, надо поступать нѣсколько по-наполеоновски». Затѣмъ онъ выпилъ чашку арниковаго декокта, употребленіе котораго вчера, въ самый опасный моментъ, вызвало благодѣтельный кризисъ. Гете сдѣлалъ прелестное описаніе этого растенія, и до небесъ превозносилъ его могущественное дѣйствіе. Ему сказали, что врачи не дозволили великому герцогу его видѣть. «Будь я великимъ герцогомъ, сказалъ Гете, — сталъ бы я васъ спрашивать и беспокоиться о вашемъ мнѣніи!»

Въ то время, какъ онъ почувствовалъ себя лучше и сталъ свободнѣе дышать, онъ говорилъ свободно и ясно; Рэбейнъ при этомъ шепнулъ кому-то на ухо: «Хорошее выдыханіе всегда ведетъ за собою хорошее вдыханіе». Гете услышалъ и съ большой веселостью сказалъ: «Я зналъ это давно; только эта истина не для васъ, шельмецовъ, писана!»

Гете сидѣлъ въ постели напротивъ открытой двери своего кабинета, гдѣ безъ его вѣдома собрались ближайшіе его друзья. Его лицо, какъ мнѣ показалось, мало измѣнилось; голосъ былъ чистъ и внятенъ, но въ немъ былъ какой-то торжественный тонъ, какъ у умирающаго. «Вы, кажется, думаете, сказалъ онъ дѣтямъ,—что мнѣ лучше, но вы ошибаетесь». Постарались, однако, шутками успокоить его опасенія, и онъ мало-по-малу, казалось, повѣрилъ. Между тѣмъ въ его кабинетъ набралось еще много народу, — что по моему было вовсе нехо-

рошо, ибо отъ этого портился воздухъ, и это мѣшало уходу за больнымъ. Я не воздержался, высказалъ это, и самъ сошелъ внизъ, откуда и посылалъ бюллетени ея императорскому высочеству, великой герцогинѣ¹⁾.

* Среда, 25-го февраля 1823.

Гете потребовалъ сегодня отчета о томъ, какъ его доселѣ лечили; онъ просмотрѣлъ также подписи лицъ, справлявшихся о его здоровьи и число которыхъ ежедневно было очень значительно. Затѣмъ онъ принялъ великаго герцога и, повидимому, не утомился отъ визита. Въ его кабинетѣ сегодня было немного народу, изъ чего я съ удовольствіемъ заключилъ, что мое вчерашнее замѣчаніе принесло плодъ.

Теперь, когда болѣзнь прошла, опасаются за ея послѣдствія. Лѣвая рука у него распухла и появились угрожающіе признаки водянки. Только черезъ нѣсколько дней станетъ извѣстно, что послѣдуетъ за окончаніемъ болѣзни. Сегодня Гете въ первый разъ просилъ послать за однимъ изъ друзей, именно за старѣйшимъ своимъ другомъ, Мейеромъ. Онъ хотѣлъ показать ему рѣдкую медаль, полученную имъ изъ Богеміи, и отъ которой онъ въ восторгѣ.

Я пришелъ въ двѣнадцать часовъ; Гете, узнавъ объ этомъ, позвалъ меня къ себѣ. Онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «Вы видите во мнѣ возставшаго изъ мертвыхъ». Затѣмъ онъ просилъ меня поблагодарить ея императорское высочество за то участіе, которое она принимала въ немъ во время болѣзни. «Мое выздоровленіе будетъ медленно, ска-

¹⁾ Великая княжна Марія Павловна.

залъ онъ,—но тѣмъ не менѣе, къ чести господъ врачей, они сотворили надо мной небольшое чудо».

Минуты черезъ двѣ я вышелъ. Цвѣтъ лица у него прекрасный, но онъ очень похудѣлъ и дышетъ еще съ нѣкоторымъ трудомъ. Мнѣ показалось, что говорить ему было труднѣе вчерашняго. Опухоль лѣвой руки весьма замѣтна; онъ открываетъ глаза только тогда, какъ говорить.

* Понедѣльникъ, 2-го марта 1823.

Сегодня вечеромъ у Гете, котораго не видѣлъ уже нѣсколько дней. Онъ сидѣлъ въ креслѣ; съ нимъ были невѣстка и Римеръ. Онъ замѣтно поправился. Голосъ получилъ прежнюю звучность, дыханіе свободно, опухоль на рукѣ пропала; онъ смотритъ здоровымъ и говоритъ легко. Онъ всталъ и безъ затрудненія прошелъ въ спальню и обратно. Пили чай въ первый разъ послѣ перерыва, и я, шутя, упрекнулъ г-жу фонъ-Гете, зачѣмъ нѣтъ букета на чайномъ столѣ. Она тотчасъ же сняла цвѣтную ленту со своей шляпы и привязала ее къ лампѣ для приготовленія чая. Эта шутка, повидимому, понравилась Гете.

Затѣмъ мы разсматривали коллекцію искусственныхъ драгоценныхъ камней, выписанную великимъ герцогомъ изъ Парижа.

* Суббота, 22-го марта 1823.

Сегодня, въ празднованіе выздоровленія Гете, въ театрѣ давали его *Тассо*, съ прологомъ Римера, который прочла г-жа Гейгендорфъ¹⁾. Его бюстъ, при

¹⁾ Каролина Ягеманнъ, род. въ 1780 г., дочь бібліотекаря великой герцогини Амалии, матери Карла-Августа. Ученица Иффланда, пѣвица и трагическая актриса, она пользовалась

воскликаніяхъ взволнованныхъ зрителей, былъ увѣнчанъ лавровымъ вѣнкомъ. Послѣ спектакля г-жа Гейгендорфъ отправилась къ Гете. Она была въ костюмъ Леоноры и поднесла ему вѣнокъ Тассо, который онъ принялъ, чтобы увѣнчать имъ бюстъ великой княгини Александры Ѳеодоровны ¹⁾.

* Среда, 1-го апрѣля 1823.

Я принесъ Гете отъ ея императорскаго высочества листокъ журнала *La Mode*, гдѣ говорилось о переводѣ его сочиненій. По этому случаю мы говорили о *Neveu de Rameau*, оригиналъ котораго долго считался потеряннымъ. Нѣкоторые нѣмецкіе критики полагали, что оригинала вовсе не существовало и что все написано Гете. Но Гете увѣрялъ, что для него было бы невозможно поддѣлаться подъ остроумныя описанія и манеру Дидро, и что нѣмецкій *Rameau* просто очень вѣрный переводъ.

* Пятница, 3-го апрѣля 1823.

Часть вечера я провелъ у Гете въ обществѣ г. главнаго директора зданій, Кудрэ. Мы говорили о театрѣ и о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя въ немъ недавно сдѣланы. «Я ихъ замѣтилъ, не бывая въ театрѣ, смѣясь сказалъ Гете.—Два мѣсяца мои дѣти постоянно приходили оттуда не въ духѣ; они оставались недовольны предлагавшимся имъ удовольствіемъ. Но теперь все измѣнилось; они вошли съ

въ Веймарѣ большимъ успѣхомъ съ 1797 по 1828 г. Она была фавориткой Карла-Августа и прижила съ нимъ двухъ дѣтей; онъ подарилъ ей помѣстье *Гейгендорфъ*.

¹⁾ Супруга императора Николая Павловича.

блестящими отъ радости лицами, потому что *имъ удалось разикъ вдоволь поплакать*. Вчера драма Котцебу доставила имъ это «слезное наслажденье».

* Понедѣльникъ, 13-го апрѣля 1823.

Вчера одинъ у Гете. Говорили о литературѣ, лордъ Байронъ и его *Сарданапалъ* и *Вернеръ*. Затѣмъ мы перешли къ *Фаусту*, о которомъ Гете говорить часто и охотно. Онъ желаетъ, чтобъ его перевели по-французски, и притомъ стилемъ Маро ¹⁾. Онъ считаетъ его источникомъ, откуда Байронъ почерпнулъ настроеніе своего *Манфреда*. Гете находитъ, что Байронъ въ двухъ своихъ послѣднихъ трагедіяхъ сдѣлалъ значительные успѣхи, потому что является въ нихъ менѣе мрачнымъ и мизантропомъ. Затѣмъ мы говорили о текстѣ *Волшебной флейты* ²⁾, продолженіе которой написано Гете; онъ, впрочемъ, не нашелъ еще композитора, который могъ бы какъ слѣдуетъ обработать сюжетъ. Онъ соглашается, что извѣстная первая часть полна неправдоподобностей и шутокъ, которыя не всякій сѣумѣетъ понять и оцѣнить; но надо, во всякомъ случаѣ, отдать ту справедливость автору, что онъ въ высокой степени постигалъ искусство дѣйствовать при помощи контрастовъ и производить сценическіе эффекты.

¹⁾ Marot (1465—1523). Гете восхищался имъ въ юности. Наивный style Marotique долго былъ въ славѣ.

²⁾ Опера Моцарта. Она недавно возобновлена у насъ, въ Москвѣ. Либретто ея чаще порицается критиками.

* Среда, 5-го апрѣля 1823.

Вечеромъ у Гете съ графиней Каролиной Эглоффштейнъ¹⁾. Гете смѣялся надъ нѣмецкими альманахами и другими періодическими изданіями, проникнутыми смѣшной сентиментальностью, которая, кажется, теперь въ ходу. Графиня замѣтила, что сначала нѣмецкіе романисты портили вкусъ своихъ многочисленныхъ читателей, а теперь, наоборотъ, читатели портятъ романистовъ, которые, ради того чтобъ найти издателя, должны, съ своей стороны, угождать господствующему дурному вкусу.

* Воскресенье, 26-го апрѣля 1823.

Я засталъ у Гете Кудрэ и Мейера. Говорили о разныхъ вещахъ. «Въ великогерцогской библіотекѣ, сказалъ Гете,—есть глобусъ, сдѣланный какимъ-то испанцемъ при Карлѣ V. На немъ есть нѣсколько курьезныхъ надписей, напримѣръ, слѣдующая: «Китайцы есть народъ, имѣющій весьма много сходнаго съ нѣмцами». Въ старое время, добавилъ онъ, на ландкартахъ африканскія пустыни обозначались изображеніями дикихъ звѣрей; нынче ничего подобнаго не дѣлается: географы предпочитаютъ давать намъ *carte blanche*».

* Среда, 6-го мая 1823.

Вечеромъ у Гете. Онъ желалъ мнѣ дать понятіе о своей теоріи цвѣтовъ. «Свѣтъ, сказалъ онъ,—никоимъ образомъ не можетъ быть смѣшеніемъ раз-

---

¹⁾ Двѣ графини Эглоффштейнъ, Каролина и Юлія, были фрейлинами; онѣ были очень красивы, остроумны и талантливы. Гете очень любилъ ихъ.

личныхъ цвѣтовъ; равнымъ образомъ *одинъ* свѣтъ не можетъ произвести никакого цвѣта; гораздо болѣе способствуетъ этому извѣстное видоизмѣненіе и смѣсь свѣта съ *тѣнью*».

* Четвергъ, 13-го мая 1823.

Я засталъ Гете за собираніемъ небольшихъ стишковъ и записокъ, писанныхъ къ различнымъ лицамъ. «Въ прежнее время, сказалъ онъ, — когда я легкомысленнѣе обращался со своими вещами и не дѣлалъ копій, затерялись сотни подобныхъ стиховъ».

* Понедѣльникъ, 2-го іюня 1823.

Канцлеръ, Римеръ и Мейеръ были у Гете. Говорили о стихахъ Беранже, и Гете комментировалъ и перефразировалъ нѣкоторые изъ нихъ съ большою оригинальностью и юморомъ.

Затѣмъ рѣчь зашла о физикѣ и метеорологіи. Гете намѣревается обработать теорію ученія о погодѣ, гдѣ онъ хочетъ приписать поднятіе и опусканіе барометра вполнѣ дѣйствию земного шара и его притягиванію и отталкиванію атмосферы.

— Господа ученые и особенно господа математики, продолжалъ Гете, — не упустятъ случая найти мои идеи смѣшными; или же они поступятъ еще лучше: они преднамѣренно ничего не будутъ знать о нихъ. А знаете ли почему? Потому, скажутъ они, что я не специалистъ.

— Слѣдуетъ извинить духъ касты у ученыхъ, замѣтилъ я. — Если въ ихъ теоріи закрались нѣкоторыя ошибки и застряли въ нихъ, то причину этого надо искать въ томъ, что во время оно, когда они сами еще сидѣли на школьныхъ скамьяхъ, теоріи эти были преподаны имъ въ видѣ догматовъ.

— Именно такъ! вскричалъ Гете.—Ваши ученые поступаютъ, какъ наши веймарскіе переплетчики. Работой на мастера, которую они требуютъ отъ вступающихъ въ цехъ, никоимъ образомъ не можетъ быть красивый переплетъ въ новомъ вкусѣ. Отнюдь нѣтъ! слѣдуетъ представить толстую библію in folio, по модѣ, которая была два-три вѣка назадъ, съ тяжелыми покрывками изъ толстой кожи. Требованіе нелѣпое. Но бѣдному мастеровому пришлось бы плохо, вздумай онъ доказывать, что его экзаменаторы глупые люди.

Веймаръ, вторникъ, 10-го іюня 1823 ¹⁾.

Я пріѣхалъ сюда всего нѣсколько дней; сегодня я въ первый разъ былъ у Гете. Приѣмъ съ его стороны былъ въ высшей степени сердечный, а впечатлѣніе его личности таково, что я этотъ день причисляю къ счастливѣйшимъ въ жизни.

Вчера, въ отвѣтъ на мою просьбу, онъ назначилъ мнѣ двѣнадцать часовъ дня, какъ время, когда онъ проситъ меня пожаловать. И такъ, я отправился къ сказанному часу и увидѣлъ, что слуга уже ждетъ меня, чтобъ ввести къ нему.

Внутренность дома произвела на меня весьма пріятное впечатлѣніе; не будучи блестящимъ, все было въ высшей степени благородно и просто; поставленные на лѣстницѣ снимки съ различныхъ античныхъ статуй свидѣтельствовали объ особой склонности Гете къ пластическому искусству и греческимъ древностямъ. Въ нижнемъ этажѣ я видѣлъ нѣсколькихъ женщинъ, которыя ходили по дѣлу

¹⁾ Отсюда начинается разсказъ Эккерманна.

взадъ и впередъ, и прелестнаго мальчика Оттиліи ¹⁾), который довѣрчиво подошелъ и посмотрѣлъ на меня большими глазами.

Когда я немного осмотрѣлся, то вслѣдъ за весьма разговорчивымъ слугою ²⁾ поднялся во второй этажъ. Онъ отворилъ дверь въ комнату, и я переступилъ начертанное передъ порогомъ слово *Salve*, какъ хорошее предзнаменованіе дружелюбнаго приѣма. Слуга провелъ меня черезъ эту комнату и отворилъ дверь во вторую, нѣсколько просторнѣе, гдѣ мнѣ пришлось обождать, пока онъ ходилъ съ докладомъ къ хозяину. Въ комнатѣ былъ прохладный, освѣжающій воздухъ; на полу былъ разостланъ коверъ; комната глядѣла весело отъ краснаго канапе и стульевъ того же цвѣта; у стѣны стоялъ флигель ³⁾, и на стѣнахъ виднѣлись рисунки и картины разнаго рода и величины.

Въ отворенную насупротивъ дверь была видна слѣдующая, также обвѣшанная картинами комната, черезъ которую и прошелъ слуга, чтобъ доложить обо мнѣ.

Немного погодя, вышелъ Гете въ синемъ сюртукѣ и башмакахъ. Что за величественная фигура! Впечатлѣніе было поражающее. Но онъ тотчасъ же разсѣялъ мое стѣсненіе самыми дружественными сло-

¹⁾ Оттилія фонъ-Пигвишъ была съ 17-го іюня 1817 г. замужемъ за сыномъ Гете, камерратомъ Юліусомъ-Августомъ-Вальтеромъ фонъ-Гете. У Гете было отъ нихъ два внука: Вальтеръ Вольфгангъ, о которомъ идетъ рѣчь (р. 1818 г.), и Вольфгангъ-Максимиліанъ (р. 1820 г.).

²⁾ Штадельманъ, который сопровождалъ Гете въ Богемію и былъ «страстнымъ любителемъ горъ».

³⁾ Флигель работы Штрейхера, купленный Гете два года раньше.

вами. Мы усѣлись на софѣ. Я потерялся отъ счастья видѣть его и быть отъ него такъ близко; я смогъ сказать ему весьма немного, почти ничего.

Онъ тотчасъ же заговорилъ о моей рукописи¹⁾. «Я только-что отъ васъ, сказалъ онъ,—я все утро читалъ ваше сочиненіе; ему не требуется никакой рекомендаціи: оно само рекомендуетъ себя». Затѣмъ онъ похвалилъ ясность изложенія и послѣдовательность мыслей, а равно то, что все прекрасно обдуманно и утверждено на хорошемъ основаніи. «Я ее скоро отошлю, прибавилъ онъ,—сегодня же я напишу къ Котта²⁾ съ курьеромъ, а завтра пошлю ему пакетъ по почтѣ». Я благодарилъ его за это и словами, и взглядами.

Затѣмъ мы заговорили о моемъ дальнѣйшемъ путешествіи. Мы долго просидѣли, и были оба въ спокойномъ, дружелюбномъ настроеніи. Я, глядя на него, дотрагивался до его колѣна; я забывалъ рѣчь; я не могъ на него наглядѣться. Мужественное и загорѣлое лицо, все въ складкахъ, и каждая складка полна выраженія! И во всемъ такое прямодушіе и твердость, такое спокойствіе и величіе! Онъ говорилъ медленно и спокойно, какъ воображаешь себѣ рѣчь престарѣлаго монарха. Видно было, что онъ нашелъ спокойствіе въ самомъ себѣ, и возвышается надъ хвалою и хулою. Мнѣ съ нимъ было несказанно хорошо; я чувствовалъ себя успокоеннымъ, какъ человѣкъ, который, послѣ многихъ трудовъ и долгаго

¹⁾ Рукопись книги *Опытъ о поэзіи*, которую Эккерманнъ послалъ Гете для просмотра, прося рекомендовать ее книгопродавцу, въ случаѣ одобренія. Въ этой книгѣ Гете подробно сравнивается съ Гомеромъ и Шекспиромъ и признается равнымъ имъ поэтомъ.

²⁾ Извѣстный книгопродавецъ.

ожиданія, видитъ наконецъ исполненіе своихъ дорогихъ желаній.

Затѣмъ онъ заговорилъ о моемъ письмѣ и замѣтилъ, что я правъ, утверждая, что человѣкъ, который могъ съ ясностью изложить *одинъ* предметъ, окажется способнымъ и на многія другія вещи.

«Нельзя знать, какой оборотъ примутъ дѣла, сказалъ онъ,—но у меня въ Берлинѣ довольно пріятелей, и я подумывалъ о васъ все это время».

Тутъ онъ привѣтливо улыбнулся. Затѣмъ онъ сказалъ, что именно слѣдуетъ мнѣ осмотрѣть въ Веймарѣ, и что онъ попроситъ секретаря Крейтера¹⁾ быть моимъ путеводителемъ. Въ особенности я непремѣнно долженъ побывать въ театрѣ. Мы разстались самымъ дружелюбнымъ образомъ; я былъ въ высшей степени счастливъ, потому что каждое его слово дышало благоволеніемъ, и я чувствовалъ, что онъ остался обо мнѣ хорошаго мнѣнія.

Среда, 12-го іюня 1823.

Сегодня я получилъ приглашеніе побывать еще разъ у Гете; онъ самъ написалъ мнѣ записку. Поэтому я не надолго зашелъ къ нему. Сегодня онъ мнѣ показался совсѣмъ другимъ противъ вчерашняго; онъ былъ во всемъ живъ и рѣшителенъ, какъ молодой человѣкъ.

Онъ вышелъ ко мнѣ съ двумя толстыми книгами въ рукахъ. «Вамъ не слѣдуетъ», сказалъ онъ,—уѣзжать такъ скоро; лучше будетъ, если мы поближе познакомимся. Я хочу еще видѣться и поговорить съ вами. Но «общее» слишкомъ обширно, а потому

¹⁾ Фридрихъ Крейтеръ былъ секретаремъ въ библіотекѣ. Онъ приводилъ въ порядокъ архивъ Гете.

я придумалъ для васъ «особое» дѣло, которое станетъ посредникомъ нашихъ сношеній и переговоровъ. Въ этихъ двухъ томахъ заключаются *Франкфуртскія ученыя извѣстія*, за 1772 и 1773 года, и въ нихъ помѣщены почти всѣ мои, писанныя тогда, небольшія рецензіи. Онѣ безъ подписи; но вы, зная образъ моихъ мыслей, съумѣете отличить ихъ отъ другихъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы повнимательнѣе разсмотрѣли эти мои юношескіе труды и сказали мнѣ, что вы о нихъ думаете. Я желалъ бы знать, стоитъ ли ихъ включать въ будущее изданіе моихъ сочиненій. Я самъ отошелъ отъ нихъ слишкомъ далеко и не имѣю о нихъ никакого сужденія. А вы, молодые люди, должны знать, имѣютъ ли онѣ для васъ значеніе и насколько онѣ годны при нынѣшнемъ состояніи литературы. Я уже приказалъ списать ихъ, и вы получите впослѣдствіи копии для сличенія съ оригиналомъ. При тщательномъ редактированіи, вы увидите также, не слѣдуетъ ли кой-чего выкинуть или добавить, не измѣняя, впрочемъ, характера статей».

Я отвѣчалъ, что весьма охотно займусь этой работою, и желаю только того, чтобъ мнѣ удалось исполнить ее согласно его намѣреніямъ.

«Когда вы займетесь ею, сказалъ онъ,—то увидите что она совершенно по васъ; дѣло пойдетъ само собою».

Затѣмъ онъ сообщилъ мнѣ, что—такъ черезъ недѣлю—думаетъ уѣхать въ Маріенбадъ.

— Я желалъ бы, добавилъ онъ,—чтобы вы пробыли въ Іенѣ не просто нѣсколько дней или недѣлю, но чтобъ вы тамъ поселились домкомъ на все лѣто, пока я осенью не ворочусь изъ Маріенбада. Я вчера уже написалъ насчетъ квартиры и

прочаго, чтобъ вамъ было и покойно, и пріятно. Вы тамъ найдете различные источники и пособія для дальнѣйшихъ занятій, а также весьма образованное общество. Сверхъ того, мѣстность тамъ весьма разнообразна; тамъ найдется до пятидесяти разныхъ прогулокъ, и пріятныхъ, и удобныхъ для уединенныхъ размышлений. Вы будете имѣть досугъ и случай написать много новаго для себя, и въ то же время поспособствуете и моимъ цѣлямъ.

Я не могъ ничего возразить противъ такого прекраснаго предложенія, и съ радостью согласился на все. Когда я уходилъ, онъ былъ особенно любезенъ; онъ назначилъ мнѣ придти черезъ день для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Понедѣльникъ, 16-го іюня 1823.

За эти дни я былъ нѣсколько разъ у Гете. Сегодня мы говорили преимущественно о дѣлахъ. Я высказалъ свое мнѣніе о его франкфуртскихъ рецензіяхъ, назвавъ ихъ отголосками его университетскихъ годовъ; это выраженіе, повидимому, ему понравилось, потому что указывало точку зрѣнія, съ которой слѣдовало смотрѣть на его тогдашнія юношескія работы.

Онъ далъ мнѣ также одиннадцать тетрадей своего журнала *Искусство и Древность*, чтобъ я взялъ ихъ вмѣстѣ съ франкфуртскими рецензіями съ собою въ Іену.

— Я желаю, чтобъ вы хорошенько проштудировали эти тетради и сдѣлали бы не простой перечень ихъ содержанія, но обозначили бы также, какія статьи нельзя считать законченными, такъ чтобъ я могъ видѣть, за какія именно нити мнѣ слѣдуетъ взяться, чтобъ продолжать пряжу. Это будетъ для

меня великимъ облегченіемъ, да и вамъ самимъ оно будетъ полезно, потому что, при помощи такой практической работы, вы глубже взгляните въ содержаніе отдѣльныхъ статей и усвоите ихъ себѣ лучше, чѣмъ при обыкновенномъ чтеніи по личному влеченію.

Эти замѣчанія показались мнѣ дѣльными и справедливыми, и я взялъ на себя и эту работу.

Четвергъ, 19-го іюня 1823.

Я рассчитывалъ быть сегодня уже въ Іенѣ, но Гете выразилъ мнѣ вчера желаніе и просьбу, чтобъ я остался до воскресенья. Вчера онъ мнѣ далъ рекомендательныя письма, и между прочими къ Фромману¹⁾.

— Вамъ понравится этотъ кружокъ, сказалъ онъ, — я провелъ въ немъ нѣсколько прекрасныхъ вечеровъ. Тамъ охотно бывали Жанъ-Поль, Тикъ, Шлегели и всѣ, кто заслужилъ себѣ имя въ Германіи; и до сихъ поръ это мѣсто собранія многихъ ученыхъ, художниковъ и другихъ извѣстныхъ лицъ. Черезъ нѣсколько недѣль напишите мнѣ въ Маріенбадъ, какъ вы поживаете и какъ вамъ понравилось въ Іенѣ. Я сказалъ сыну, чтобъ онъ навѣстилъ васъ разокъ въ мое отсутствіе.

Я былъ весьма благодаренъ Гете за всѣ эти заботы, и мнѣ было пріятно видѣть по всему, что онъ уже причисляетъ меня къ своимъ и хочетъ, чтобъ и другіе думали то же.

21-го іюня я простился съ Гете. Благодаря его

---

¹⁾ Фромманъ — книгопродавецъ-издатель. Въ его типографіи печаталось изданіе Гете «Kunst und Allerthum» (Искусство и Древность). Гете былъ дружески съ нимъ знакомъ домами.

письмамъ, я нашелъ въ Іенѣ хорошій пріемъ. Я окончилъ для четырехъ томовъ *Искусство и Древность* порученную мнѣ работу, и отослалъ ее къ нему въ Маріенбадъ при письмѣ, гдѣ говорилъ, что думаю уѣхать изъ Іены, которая мнѣ показалась черезчуръ тихой и однообразной, и отправиться въ какой нибудь большой городъ. Вскорѣ я получилъ отъ него слѣдующія строки:

«Перечень статей я получилъ какъ разъ во-время; онъ вполне соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ и цѣлямъ. Представьте мнѣ, при моемъ возвращеніи, въ такой же редакціи и мои франкфуртскія рецензіи, и я вамъ буду весьма благодаренъ. Я уже молчаливо разсчитываю, какъ мнѣ отблагодарить васъ, сочувственно обдумывая ваши намѣренія, обязательства, желанія, цѣли и планы, дабы, возвратясь, имѣть возможность основательно поговорить съ вами относительно того, какъ вамъ устроиться. Сегодня больше я не скажу ничего. Уѣзжая изъ Маріенбада, приходится многое сдѣлать и о многомъ подумать; чувствуешь себя тяжело, когда остается пробыть такъ недолго съ выдающимися людьми.

«Желалъ бы найти васъ за тихой работой, которая современемъ самымъ вѣрнымъ и чистымъ путемъ приведетъ васъ къ познанію свѣта и опытности. Прощайте; утѣшаю себя нашимъ будущимъ долгимъ и близкимъ сожительствомъ.

Гете».

Маріенбадъ, 14-го августа 1823.

Содержаніе этихъ строкъ въ высшей степени обрадовало меня, и я рѣшилъ не начинать ничего самостоятельно, но вполне подчиниться его волѣ и совѣту.

Лена, понедѣльникъ, 15-го сентября 1823.

Гете благополучно воротился изъ Маріенбада. Онъ здоровъ и крѣпокъ, такъ что можетъ пройти нѣсколько часовъ пѣшкомъ. Право, не наладуешься, глядя на него.

Мы весело поздоровались, и Гете тотчасъ заговорилъ о моихъ обстоятельствахъ.

«Я выскажусь прямо, началъ онъ,—я хочу чтобы вы эту зиму остались со мной въ Веймарѣ.—То были первыя его слова; затѣмъ онъ подошелъ ближе, и продолжалъ: «По части поэзіи и критики у васъ все въ порядкѣ; у васъ къ этому природныя способности; это ваше дѣло, котораго вы должны держаться, и оно доставитъ вамъ скоро прекрасное положеніе. Но есть еще многое, что вамъ слѣдуетъ узнать, хотя оно не относится прямо къ вашимъ занятіямъ. Впрочемъ, вамъ не слѣдуетъ терять много времени и надо поскорѣе пройти все это. Вы сдѣлаете это въ нынѣшнюю зиму у насъ въ Веймарѣ, и къ Пасхѣ сами удивитесь, какъ далеко ушли. Ото всего вы возьмете самое лучшее, потому что всѣ вспомогательныя средства у меня въ рукахъ. Такимъ образомъ вы получите твердость въ жизни, будете чувствовать по себѣ и пріобрѣтете увѣренность. Я позабочусь отыскать вамъ квартиру не-подалеку отъ себя; вамъ во всю зиму не слѣдуетъ тратить ни одной минуты по пустому. Въ Веймарѣ есть много хорошаго, и вы понемногу войдете въ высшее общество, которое не уступитъ лучшимъ въ другихъ столицахъ. Со мною въ близкихъ отношеніяхъ много превосходныхъ людей, съ которыми вы познакомитесь мало-по-малу, и ихъ общество

будетъ для васъ въ высшей степени поучительно и полезно».

Онъ назвалъ мнѣ нѣсколько извѣстныхъ именъ, и въ немногихъ словахъ очертилъ особенности каждаго.

«Гдѣ же вы еще найдете на такомъ узкомъ клочкѣ земли такъ много хорошаго? У насъ имѣется также превосходная библіотека и театръ, который во всемъ существенномъ не уступитъ лучшимъ театрамъ другихъ германскихъ городовъ. Поэтому, я повторяю: останьтесь съ нами, и не только на зиму, но изберите Веймаръ постояннымъ мѣстомъ жительства. Ворота и дороги ведутъ отсюда во всѣ концы міра. Лѣтомъ вы станете путешествовать, и мало-по-малу увидите все, что вамъ желательно. Я вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ живу здѣсь, а гдѣ я не побывалъ! Но я всегда охотно возвращался въ Веймаръ».

Я былъ счастливъ, что вижу снова Гете такъ близко, слышу, какъ онъ говоритъ; я чувствовалъ, что преданъ ему всей душою. «Только-бъ ты былъ и остался моимъ, думалъ я, — и все будетъ хорошо!» Поэтому я повторилъ ему, что готовъ сдѣлать все, что онъ ни сочтетъ для меня за лучшее.

Іена, четвергъ, 18-го сентября 1823.

Вчера утромъ, передъ отъѣздомъ Гете въ Веймаръ, я снова имѣлъ счастье пробыть съ нимъ часокъ. Онъ завелъ въ высшей степени интересный разговоръ, который для себя я считаю безцѣннымъ и благотворнымъ на всю жизнь. Всѣ молодые поэты въ Германіи должны бы узнать его: онъ имъ можетъ быть полезенъ.

Онъ началъ съ вопроса, не писалъ ли я лѣтомъ

стиховъ. Я отвѣчалъ, что написалъ нѣсколько, но что мнѣ не доставало спокойствія. «Подумайте хорошенько раньше, чѣмъ приниматься за большую работу, сказалъ онъ затѣмъ.—Именно этимъ страдаютъ наши лучшіе люди,—тѣ, которые еобладаютъ и бѣльшимъ талантомъ, и достойнѣйшими стремленіями. Я самъ страдалъ этимъ и знаю, насколько оно мнѣ повредило. Сколько тутъ силъ было потрачено за даромъ! Еслибъ я написалъ все, что могъ написать, какъ слѣдуетъ, то вышло бы больше ста томовъ.

«Настоящее имѣетъ свои права; мысли и чувства, ежедневно зарождающіяся въ душѣ поэта, ищутъ выраженія, и должны быть выражены. Но, если въ головѣ засядетъ большое сочиненіе, то уже оно не допуститъ ничего подлѣ себя: всѣ другія мысли устраняются, и для васъ потеряны даже всѣ пріяности жизни. Какое напряженіе, какая трата душевныхъ силъ потребуется только для того, чтобы привести въ порядокъ и округлить въ головѣ большое цѣлое, и какія нужны силы, какое спокойное и беззаботное житейское положеніе, чтобы выразить его достоодлжнымъ образомъ въ плавной рѣчи! Если вы ошибетесь въ планѣ цѣлаго, то всѣ ваши труды будутъ потеряны; далѣе, если при объемистомъ сюжетѣ вы въ нѣкоторыхъ частяхъ не будете вполнѣ владѣть матеріаломъ, то цѣлое по мѣстамъ окажется неудачно, и вы заслужите хулу; въ концѣ поэтъ за всѣ свои труды и жертвы вмѣсто хвалы и радости получить только неудовольствіе и надорветъ свои силы. Напротивъ, когда поэтъ постоянно берется за настоящее и въ свѣжемъ настроеніи обрабатываетъ то, что ему представляется каждый день, то вѣрнѣе разсчитывать, что

онъ напишетъ нѣчто хорошее; если порою ему кое-что и не удастся, то онъ ничего не теряетъ.

«Вотъ, напримѣръ, Августъ Гагенъ изъ Кенигсберга; у него большой талантъ. Читали ли вы его *Ольфрида и Лизену*?¹⁾ Тамъ есть мѣста, лучше которыхъ и не требуется; все, что происходитъ на Балтійскомъ морѣ, все, что касается тамошней мѣстности, написано мастерски. Но все это прекрасныя мѣста, а цѣлое никому не понравится. А сколько труда, сколько силъ онъ на это потратилъ; да, онъ почти исчерпалъ самого себя. Теперь сочинилъ онъ трагедію».

Тутъ Гете улынулся и на мгновеніе замолчалъ. Я замѣтилъ, что, если не ошибаюсь, онъ совѣтовалъ Гагену въ *Искусство и Древность* братья только за *небольшіе* сюжеты. «Дѣйствительно совѣтовалъ, отвѣчалъ Гете,—но развѣ слушаются насъ, стариковъ? Всякій думаетъ, что онъ знаетъ лучше другихъ что ему дѣлать, и оттого одни погибаютъ, а другіе блуждаютъ долгое время. А теперь вовсе не время блуждать, на то мы, старики, и были; къ чему бы послужили наши поиски и блужданія, еслибъ вы, молодежь, пошли по той же дорогѣ? Этакъ мы не подвинемся впередъ! Намъ, старикамъ, было простительно блуждать: у насъ не было битой дороги; но съ того, кто позже приходитъ въ міръ, больше и спрашивается; ему не зачѣмъ вновь искать и блуждать; онъ долженъ воспользоваться совѣтомъ стариковъ и сразу пойти по настоящей дорогѣ. Онъ не долженъ довольствоваться тѣмъ, что дѣлаетъ шагъ, который когда нибудь да приведетъ къ цѣли:

---

¹⁾ «Ольфридъ и Лизена». Романическая поэма въ десяти пѣсняхъ 1820 г.

каждый его шагъ долженъ быть цѣлью и двигать его впередъ.

«Обдумайте эти слова и посмотрите, что изъ нихъ можетъ пригодиться для васъ. Собственно за васъ я не боюсь; но, можетъ быть, своими рѣчами я помогу вамъ быстрѣе перейти извѣстный періодъ, который не соотвѣтствуетъ вашему нынѣшнему положенію. Поэтому, какъ сказано, занимайтесь небольшими сюжетами; по мѣрѣ того, какъ они вамъ представляются, пишите, не откладывая, смѣло, и вы будете производить обычно нѣчто хорошее, и каждый день будетъ приносить вамъ радость. Затѣмъ отдавайте ихъ въ альманахи, въ газеты, но никогда не пишите по чьему нибудь внушенію: работайте всегда согласно собственному расположенію.

«Свѣтъ великъ и богатъ, и жизнь столь многообразна, что въ поводахъ къ стихотвореніямъ недостатка не будетъ. Но всѣ стихотворенія должны быть написаны «по поводу» (на случай), то есть дѣйствительность должна дать къ тому поводъ и матеріаль. Отдѣльный случай становится общимъ и поэтическимъ именно потому, что онъ обрабатывается поэтомъ. Всѣ мои стихи—стихотворенія по поводу (на случай); они возбуждены дѣйствительностью и потому имѣютъ подъ собой почву. Стихотворенія съ вѣтру я ставлю ни во что.

«Не слѣдуетъ думать, что дѣйствительность не представляетъ поэтическаго интереса; поэтъ именно тѣмъ и можетъ доказать, что онъ даровитъ, когда откроетъ интересную сторону въ самомъ обыкновенномъ сюжетѣ. Дѣйствительность должна дать мотивъ, пункты, подлежащія выраженію, зерно; сдѣлать же изъ этого прекрасное и живое цѣлое—задача поэта. Вы знаете Фюрстенштейна, такъ назы-

ваемаго «поэта природы»; онъ написалъ поэму о разведеніи хмѣля, и ничего не можетъ быть милѣе. Теперь я посовѣтовалъ ему написать нѣсколько пѣсенъ рабочихъ, особенно какуюнибудь пѣсню ткачей, и увѣренъ, что это ему удастся; потому что онъ съ юности жилъ между подобными людьми, онъ ихъ знаетъ вдоль и поперегъ, и будетъ мастеромъ своего сюжета. Въ томъ именно и заключается преимущество небольшихъ сюжетовъ, что поэтъ обычно избираетъ только тѣ предметы, которые знаетъ, чѣмъ владѣетъ вполне. При большой же поэтической работѣ этого не бываетъ; тамъ ни передъ чѣмъ нельзя отступать; и все, что относится до связи цѣлаго, все, что вплетено въ планъ, должно быть изображено, и притомъ съ подобающей правдой. У юности познаніе вещей еще односторонне; большое же сочиненіе требуетъ многосторонности, и потому-то работа не удается).

Я сказалъ Гете, что хотѣлъ написать большую поэму о временахъ года, и вплести въ нее занятія и забавы всѣхъ сословій. «Это подобный же случай, отвѣчалъ Гете;—вамъ можетъ удастся многое, но нѣкоторое, что вы недостаточно изучили и знаете, вамъ не удастся. У васъ, можетъ быть, прекрасно выйдетъ рыбакъ, но не выйдетъ охотникъ. Если же въ цѣломъ чтонибудь не удастся, то и вся поэма будетъ неудачной, какъ бы ни были хороши отдѣльныя части, и вы не создадите ничего цѣльнаго. Если вы напишете просто,—и каждую самостоятельно,—тѣ отдѣльныя части, до которыхъ досрости, то выйдетъ нѣчто хорошее.

«Особенно же я остерегаю васъ отъ *собственныхъ*, вами придуманныхъ, большихъ сюжетовъ; при этомъ обычно хотятъ выразить свой взглядъ на

вещи, а онъ-то рѣдко бываетъ зрѣлъ въ юности. Далѣе, поэтъ выдѣляетъ изъ себя характеры и мысли и тѣмъ отнимаетъ полноту у своихъ дальнѣйшихъ произведеній. И наконецъ, сколько времени будетъ потрачено, чтобъ изобрѣсти сюжетъ, изложить все въ порядкѣ и связи,—и за это никто не скажетъ намъ спасибо, предположивъ даже, что мы доведемъ работу до конца.

«При данномъ же сюжетѣ совсѣмъ иное, все идетъ легче. Тутъ имѣются на лицо факты и характеры, и поэту слѣдуетъ только оживотворить цѣлое. Онъ сохраняетъ также всю свою полноту, потому что своего ему приходится прибавить немного; равнымъ образомъ, требуется гораздо меньшая трата времени и силъ, потому что ему предстоитъ только трудъ исполненія. Я совѣтую даже братья за сюжеты, уже обработанные. Сколько уже написано Ифигеній и, однако, всѣ онѣ разныя; потому что каждый видитъ и располагаетъ вещи по своему, на свой собственный манеръ.

«Но пока все большое отложите въ сторону. Вы достаточно потрудились; время вамъ узнать радость жизни, а лучшее для того средство — обработка небольшихъ сюжетовъ».

Во время этого разговора мы ходили взадъ и впередъ по комнатѣ; я могъ только соглашаться съ нимъ, потому что всѣмъ существомъ чувствовалъ справедливость каждаго его слова. Съ каждымъ шагомъ мнѣ становилось легче, я чувствовалъ себя счастливѣе, ибо я долженъ сознаться, что различные обширные планы, которые я никакъ не могъ привести въ ясность, немало тяготили меня. Теперь я отстранилъ ихъ отъ себя, и они могутъ покоиться, пока я снова не возьмусь за сюжетъ и не

стану съ ясностью рисовать одну часть за другою, — пока я постепенно, въ силу житейскаго опыта, не овладѣю матеріаломъ отдѣльныхъ частей.

Я чувствую, что отъ словъ Гете я поумнѣлъ и ушелъ впередъ на нѣсколько лѣтъ; я въ самой глубинѣ души сознаю, что значить имѣть счастье встрѣтиться съ настоящимъ мастеромъ дѣла.

Чему я не научусь отъ него за эту зиму и сколько я выиграю просто отъ его сообщества даже въ тѣ часы, когда онъ не скажетъ ничего по-истинѣ замѣчательнаго! Мнѣ кажется, что самая его личность, простая близость къ нему, дѣйствуютъ на меня образовательно, даже когда онъ не говоритъ ни слова.

Веймаръ, четвергъ, 2-го октября 1823.

Вчера, при прекрасной погодѣ, воротился я изъ Іены. Тотчасъ, по моемъ приѣздѣ, Гете прислалъ мнѣ вмѣсто поздравленія абонементный билетъ въ театръ. Вчера я весь день устраивался, и, кромѣ того, у Гете въ домѣ было много хлопотъ по случаю приѣзда французскаго посла, Рейнгарда, изъ Франкфурта ¹⁾, и прусскаго государственнаго совѣтника, Шультца, изъ Берлина ²⁾.

Сегодня утромъ я былъ у Гете. Онъ поздравилъ меня съ приѣздомъ и былъ вообще очень добръ и любезенъ. Когда я думалъ уходить, онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ меня познакомить съ правительственнымъ совѣтникомъ Шультцемъ. Онъ повелъ

¹⁾ Графъ Рейнгардъ, близкій другъ Гете, былъ съ нимъ въ перепискѣ съ 1807 по 1832 г. Рейнгардъ былъ сыномъ виртембергскаго выходца, который въ 1786 г., двадцати пяти лѣтъ отъ роду, уѣхалъ во Францію въ качествѣ учителя.

²⁾ Вліятельный государственный человѣкъ.

меня въ сосѣднюю комнату и, представивъ меня названному господину, оставилъ насъ вдвоемъ. «Весьма пріятно, сказалъ онъ,—что вы остаетесь въ Веймарѣ и будете помогать Гете въ редакціи его доселѣ неизданныхъ сочиненій. Онъ уже говорилъ мнѣ, какой выгоды ожидаетъ отъ вашего сотрудничества, а также, что онъ надѣется окончить много новыхъ вещей».

Я отвѣчалъ ему, что не имѣю иной цѣли въ жизни, какъ принести пользу нѣмецкой литературѣ, и что, въ надеждѣ способствовать этому здѣсь, охотно отлагаю планы своихъ собственныхъ сочиненій. Я прибавилъ также, что общеніе съ Гете въ высшей степени благотѣльно подѣйствуетъ на мое дальнѣйшее развитіе; что я надѣюсь такимъ образомъ черезъ нѣсколько лѣтъ достигнуть извѣстной зрѣлости и быть въ состояніи тогда лучше выполнить то, что теперь могу сдѣлать только въ ограниченной степени. «Конечно, сказалъ Шюльцъ,—личное вліяніе такого необыкновеннаго человѣка и мастера, какъ Гете, неоцѣненно. Я и самъ пріѣхалъ сюда, чтобы нѣсколько оживить себя въ его великомъ духѣ».

Вторникъ, 14-го октября 1823.

Сегодня я въ первый разъ былъ приглашенъ къ Гете «на чай». Я пришелъ первый и весело поглядывалъ на рядъ ярко освѣщенныхъ комнатъ. Въ одной изъ дальнихъ комнатъ я нашелъ Гете, который очень весело подошелъ ко мнѣ. Онъ былъ въ черномъ, со звѣздой,—что очень шло къ нему. Мы еще нѣкоторое время пробыли вдвоемъ и пошли въ такъ называемую «плафонную» комнату, гдѣ я

восхищался картиной «Альдебрандинская свадьба» ¹⁾, которая виситъ на стѣнѣ надъ краснымъ канапе. Зеленныя занавѣски, скрывавшія картину, были раздвинуты, и я молча и спокойно залюбовался ею.

«Да, сказалъ Гете, — у древнихъ были не только великія намѣренія, но они переходили у нихъ въ явленія. Напротивъ, у насъ, новыхъ, есть также великія намѣренія, но мы рѣдко способны выразить ихъ съ той силой и жизненной свѣжестью, съ которой они намъ представляются».

Затѣмъ пришли Римеръ ²⁾ и Мейеръ, и канцлеръ фонъ-Мюллеръ, и много другихъ придворныхъ кавалеровъ и дамъ. Вышли также сынъ Гете и г-жа фонъ-Гете, съ которыми я тутъ впервые познакомился. Комнаты постепенно наполнялись; все было весело и оживлено. Пришло также нѣсколько красивыхъ молодыхъ иностранцевъ, съ которыми Гете говорилъ по-французски.

Общество мнѣ понравилось; все было свободно и непринужденно; стояли, сидѣли, шутили, смѣялись, разговаривали то съ тѣмъ, то съ другимъ, какъ кому хотѣлось. У меня завязался весьма оживленный разговоръ съ молодымъ Гете о *Портретѣ* Гоувальда ³⁾, который нѣсколько дней назадъ давали въ театрѣ. Мы были одного мнѣнія о пьесѣ, и я

¹⁾ «Альдебрандинская свадьба», копія съ античной картины, сдѣланная Мейеромъ въ 1797 г. Она доселѣ виситъ на томъ же мѣстѣ.

²⁾ Римеръ былъ домашнимъ учителемъ сперва Вильгельма Гумбольдта, затѣмъ Гете, потомъ учителемъ и бібліотекаремъ. Обладалъ большими филологическими знаніями.

³⁾ Гоувальдъ, романтическій поэтъ, † 1845 г. *Портретъ* считается одной изъ лучшихъ его пьесъ; она имѣла большой успѣхъ.

радовался, слыша, съ какимъ умомъ и жаромъ молодой Гете разбираль различныя положенія.

Самъ Гете среди общества былъ очень любезенъ. Онъ подходилъ то къ тому, то къ другому, и казалось, что ему нравится болѣе слушать, чѣмъ говорить самому. Г-жа фонъ-Гете часто подходила, брала его за руку, прижималась къ нему и цѣловала его. Я незадолго передъ тѣмъ сказалъ, что театръ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе и что меня очень радуетъ, что я просто, не сильно раздумывая, отдаюсь впечатлѣнію отъ пьесы. Гете это понравилось; онъ нашелъ, что я поступаю согласно съ моимъ теперешнимъ расположеніемъ духа.

Онъ подошелъ ко мнѣ съ г-жею фонъ-Гете. «Вотъ моя невѣстка, сказалъ онъ, — вы знакомы?» Мы отвѣчали, что сейчасъ только познакомились. «Онъ такой же театралъ, какъ и ты, Оттилія», сказалъ онъ тогда, и мы поздравили другъ друга съ такой обоюдной склонностью. «Моя дочь, прибавилъ онъ, — не пропускаетъ ни одного спектакля». «Это отлично, когда даются хорошія интересныя пьесы—вставилъ я,—но зато приходится потерпѣть, когда идутъ дурныя». «И тутъ хорошо, что нельзя уйти, возразилъ Гете—приходится также смотрѣть и слушать и дурную пьесу. Тогда проникаешься ненавистью къ дурному, и затѣмъ становишься предусмотрительнѣе къ хорошему. При чтеніи не то: когда книга не нравится, то просто отбросишь ее, а въ театрѣ приходится выдерживать». Я согласился съ нимъ и подумалъ, что старикъ при всякомъ случаѣ сдумаетъ сказать что нибудь хорошее.

Тутъ мы разошлись и смѣшались съ обществомъ, которое весело и шумно разговаривало какъ въ этой, такъ и въ другихъ комнатахъ. Гете подошелъ

къ дамамъ; я присосѣдился къ Римеру и Мейеру, которые много намъ разсказывали про Италію.

Позже, правительственный совѣтникъ Шульцъ сѣлъ за флигель и сыгралъ нѣсколько Бетховенскихъ вещей, которыя присутствовавшіе слушали, по-видимому, съ сердечнымъ интересомъ. Потомъ, одна остроумная дама разсказывала много интереснаго о личности Бетховена. Незамѣтно пробило десять часовъ, и въ высшей степени для меня пріятный вечеръ кончился.

Воскресенье, 19-го октября 1823.

Сегодня я въ первый разъ обѣдалъ у Гете. Кромѣ его, за столомъ были только г-жа фонъ-Гете, m-lle Ульрика ¹⁾ и маленькій Вальтеръ; намъ было очень уютно въ своемъ кругу. Гете явился настоящимъ отцомъ семейства: онъ угощалъ насъ, разрѣзалъ, — и съ особымъ искусствомъ, — жареную птицу и не забывалъ подчивать насъ виномъ. Мы весело болтали о театрѣ, о молодыхъ англичанахъ и другихъ новостяхъ; m-lle Ульрика особенно была очень весела и разговорчива. Гете былъ молчаливъ, и только отъ времени до времени вставлялъ интересныя замѣчанія. Онъ просматривалъ газеты, прочитывая намъ тѣ или другія мѣста, особенно относящіяся къ греческому возстанію.

Зашла рѣчь о томъ, что мнѣ слѣдуетъ учиться по-англійски; Гете настойчиво совѣтовалъ мнѣ тоже, особенно ради лорда Байрона, личности, столь высокой, какой еще не бывало и которая врядъ ли повторится. Стали перебирать здѣшнихъ учителей и нашли, что ни одинъ не обладаетъ хорошимъ

¹⁾ Младшая сестра Оттиліи; она жила въ домѣ Гете.

произношеніемъ, а потому мнѣ посовѣтовали придерживаться молодыхъ англичанъ.

Послѣ обѣда Гете показалъ мнѣ нѣсколько опытовъ, относящихся къ теоріи цвѣтовъ. Предметъ былъ для меня незнакомый, и я мало понималъ и въ опытахъ, и въ томъ, что онъ о нихъ говорилъ; но я надѣюсь на досугъ и при случаѣ ознакомиться ближе съ этой наукой.

Вторникъ, 21-го октября 1823.

Сегодня вечеромъ я былъ у Гете. Мы говорили о *Пандорѣ*¹⁾. Я спросилъ его, слѣдуетъ ли смотрѣть на эту поэму, какъ на нѣчто законченное, или же существуетъ ея продолженіе. Онъ сказалъ, что продолженія нѣтъ, что дальше онъ ничего не писалъ, и именно потому, что объемъ первой части такъ разросся, что онъ уже не могъ написать второй. Впрочемъ, и на первую можно смотрѣть какъ на нѣчто цѣлое, а потому онъ на ней и успокоился.

Я сказалъ ему, что дошелъ до пониманія этой трудной поэмы только мало-по-малу, причемъ читалъ ее такъ часто, что почти выучилъ наизусть. Гете улыбнулся. «Охотно этому вѣрю, сказалъ онъ, — въ ней все точно *клиномъ вбито* одно въ другое».

Я сказалъ ему, что относительно этой поэмы не совсѣмъ согласенъ съ Шубартомъ²⁾, который утверждаетъ, будто въ ней соединено все, что въ раздробленномъ видѣ встрѣчается въ *Вертерѣ*, *Вильгельмѣ Мейстерѣ*, *Фаустѣ* и *Избирательномъ сродствѣ*³⁾, отчего, впрочемъ, самая поэма становится неудобопонимаемой.

¹⁾ Драматическая поэма Гете.

²⁾ Критикъ, авторъ сочиненія «Zur Beurtheilung Goethe's».

³⁾ Романъ, извѣстный въ русскомъ переводѣ подъ именемъ «Оттиліи».

«Шубартъ, сказалъ Гете,—часто черезчуръ забирается въ глубину, но онъ очень способный человекъ: у него все полно мысли».

Мы заговорили объ Уландѣ. «Видя большое дѣйствіе, сказалъ Гете,—я всегда предполагаю большую причину; и въ Уландѣ должно быть нѣчто необыкновенное, судя по той широкой извѣстности, какою онъ пользуется. Впрочемъ, я не имѣю о его стихотвореніяхъ почти никакого сужденія. Я взялъ книгу въ руки съ наилучшими намѣреніями и сразу попалъ на такое количество слабыхъ и наводящихъ уныніе стихотвореній, что воздержался отъ дальнѣйшаго чтенія. Тогда я схватился за его баллады и тотчасъ увидѣлъ выдающійся талантъ, и понялъ, что его слава не безъ нѣкотораго основанія».

Я спросилъ Гете мнѣнія относительно того, какой стихъ болѣе другихъ пригоденъ для нѣмецкой трагедіи. «Въ Германіи, сказалъ онъ,—трудно сговориться на этотъ счетъ. Всякій пишетъ, какъ хочетъ и какъ ему кажется сообразнѣе съ сюжетомъ. Шестистопный ямбъ, конечно, былъ бы самымъ соответствующимъ размѣромъ, но для насъ, нѣмцевъ, онъ черезчуръ дологъ; за недостаткомъ прилагательныхъ, намъ обыкновенно довольно и пяти стопъ. Для англичанъ, по обилію односложныхъ словъ, и того много».

Гете затѣмъ показалъ мнѣ нѣсколько гравюръ на мѣди и заговорилъ о древнѣмецкой архитектурѣ, обѣщая мнѣ показать впослѣдствіи много вещей въ этомъ родѣ.

«Въ произведеніяхъ старонѣмецкой архитектуры, сказалъ онъ,—выразился цвѣтъ необыкновеннаго времени. Кто непосредственно встрѣчаетъ подобный

цвѣтъ, тотъ, конечно, только приходитъ въ изумленіе; но кто проникаетъ въ таинственную внутреннюю жизнь растенія, въ возникновеніе силъ и знаетъ, какъ постепенно развивается цвѣтокъ,—тотъ смотритъ на вещи совсѣмъ иными глазами; тотъ знаетъ, что видитъ. Я позабочусь, чтобъ вы познакомились нынѣшней зимой съ этимъ важнымъ предметомъ, и это пригодится вамъ, когда, будущимъ лѣтомъ, вы поѣдете по Рейну и увидите страсбургскій Мюнстеръ и Кельнскій соборъ».

Я былъ очень радъ и благодаренъ ему.

* Пятница, 24-го октября 1823.

Вечеръ у Гете. М-те Шимановская, съ которой Гете познакомился нынѣшнимъ лѣтомъ въ Маріенбадѣ, импровизировала на фортепьяно. Гете весь превратился въ слухъ и повременамъ казался весьма взволнованнымъ.

Суббота, 25-го октября 1823.

Въ сумерки зашелъ я на полчаса къ Гете. Онъ сидѣлъ въ деревянномъ креслѣ передъ письменнымъ столомъ; я нашелъ его въ удивительно тихомъ настроеніи, точно онъ былъ весь исполненъ небснаго мира и думалъ о сладостномъ счастьи, которое испыталъ, и оно вновь со всею полнотою проносится у него передъ душою. Штандельманнъ поставилъ для меня стулъ подлѣ него.

Мы заговорили о театрѣ. Послѣдней видѣнной мной пьесой была *Земная ночь* Раупаха. Я сказалъ о ней своей мнѣніе, что пьеса вышла не такъ, какъ была задумана поэтомъ; что въ ней идея господствуетъ надъ жизнью; что она болѣе лирична, чѣмъ драматична; что было бы гораздо лучше выразить въ двухъ или трехъ актахъ то, что напутано

и растянута въ пяти. Гете прибавилъ къ этому, что идея цѣлаго вертится на аристократіи и демократіи, а это не имѣетъ общаго, всечеловѣческаго интереса.

Напротивъ, я похвалилъ пьесы Котцебу, видѣнныя мною, именно *Родственники* и *Искушеніе*. Я хвалилъ въ нихъ свѣжій взглядъ на дѣйствительную жизнь, удачный выборъ ея интересныхъ сторонъ и повременамъ сильное и правдивое изображеніе; Гете соглашался со мною. «Что держится двадцать лѣтъ на сценѣ и заслужило расположеніе публики, то что нибудь изъ себя да представляетъ», сказалъ онъ. «Когда Котцебу остается въ своемъ кругу и не выходитъ за предѣлы своихъ способностей, то у него обыкновенно выходитъ нѣчто хорошее. Онъ въ родѣ Ходовецкаго¹⁾; и этому удаются сцены изъ бюргерской жизни, но, какъ только онъ вздумаетъ нарисовать римскихъ или греческихъ героевъ, то ничего и не выходитъ.»

Гете перечислилъ мнѣ нѣсколько удачныхъ пьесъ Котцебу, особенно *Два Клинсберга*. «Нельзя отпергать, что онъ потерялся въ жизни и не былъ при этомъ слѣпъ», сказалъ онъ.

— У новѣйшихъ трагическихъ поэтовъ, продолжалъ Гете, нельзя отрицать ума и по мѣстамъ поэзіи; но большинству недостаетъ способности изображать легко и жизненно; они стремятся къ чему-то, что превышаетъ ихъ силы, и въ этомъ смыслѣ ихъ можно назвать *форсированными* талантами.

— Я сомнѣваюсь, сказалъ я, чтобъ такіе поэты сумѣли написать піесу въ прозѣ, и я того мнѣнія,

---

¹⁾ Живописецъ и граверъ (1726—1801). Онъ, дѣлалъ, между прочимъ, виньетки къ сочиненіямъ Гете.

что это было бы настоящимъ пробирнымъ камнемъ ихъ таланта.

Гете согласился и добавилъ, что стихи возвышаютъ поэтическое чувство, или по крайности вызываютъ его.

Мы заговорили о нѣкоторыхъ текущихъ работахъ. Зашла рѣчь о его *Путешествіи въ Швейцарію черезъ Франкфуртъ и Штутгартъ*, которое онъ набросалъ и хотѣлъ прислать мнѣ, чтобъ, прочтя наброски, я сказалъ свое предположеніе, какъ ихъ соединить въ цѣлое. «Вы увидите, сказалъ онъ, что все записано какъ попадалось на глаза: о планѣ и художественномъ округленіи не было и мысли; все вылилось, какъ вода изъ ведра».

Понедѣльникъ, 27-го октября 1823.

Сегодня я былъ приглашенъ къ Гете «на чай» и концертъ. Слуга показалъ мнѣ списокъ приглашенныхъ лицъ, и я увидѣлъ, что соберется многолюдное и блестящее общество. Онъ сказалъ мнѣ также, что пріѣхала молодая полька, которая и будетъ играть на фортепьяно. Я съ радостью принялъ приглашеніе.

Затѣмъ принесли афишки; въ этотъ вечеръ давали *Шахматную доску*¹⁾. Я не видалъ еще этой пьесы, но квартирная хозяйка такъ ее расхваливала, что мнѣ страшно хотѣлось ее видѣть. Притомъ мнѣ было не совсѣмъ по себѣ, и я подумалъ, что лучше мнѣ смотрѣть веселую комедію, чѣмъ явиться въ такое блестящее общество.

Но за часъ до театра я зашелъ къ Гете. Въ домѣ же все было оживленно. Проходя, я слышалъ, какъ

¹⁾ Пьеса, написанная актеромъ Беккомъ.

въ залѣ настраивають флигель. Я засталъ Гете въ его комнатѣ, уже одѣтымъ для вечера. Казалось, я пришелъ кстати. «Оставайтесь, сказалъ Гете,—мы поговоримъ, пока не соберутся другіе». Я подумалъ: «уходить тебѣ не къ чему; притомъ теперь тебѣ одному съ Гете очень хорошо, а когда придутъ незнакомые господа и дамы, то ты будешь чувствовать себя не въ своей стихіи».

Мы ходили съ Гете взадъ и впередъ по комнатѣ. Вскорѣ разговоръ обратился къ театру, и я еще разъ повторилъ, что онъ доставляетъ мнѣ такое удовольствіе, что даже нынче, не смотря на вечеръ у него, мнѣ хочется въ театръ.

«Знаете ли что, сказалъ, остановясь, Гете, и поглядѣлъ на меня вмѣстѣ и величественно, и дружески,—идите. Не церемоньтесь! Сегодняшняя веселая пьеса, можетъ быть, лучше подходитъ къ вашему душевному расположенію,—ну и ступайте туда. У меня сегодня музыка; но она еще не разъ будетъ».—«Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ я,—я уйду; мнѣ кажется, что мнѣ сегодня лучше поохотать». «Такъ останьтесь у меня до шести часовъ, сказалъ Гете,—мы еще можемъ поболтать».

Штадельманнъ принесъ двѣ восковыя свѣчи и поставилъ ихъ на письменный столъ, Гете пригласилъ меня присѣсть къ свѣту; онъ желалъ дать мнѣ что-то прочесть. И что же я прочелъ? Его послѣднее милое стихотвореніе, его *Маріенбадскую элегію*¹⁾.

Мнѣ слѣдуетъ тутъ пояснить содержаніе этой поэмы. Тотчасъ послѣ возвращенія Гете съ водъ, распространился слухъ, что онъ тамъ познакомился

¹⁾ Вторая часть извѣстной «Трилогіи страсти».

съ молодой и прелестной дамой, и красивой, и умной, и почувствовалъ къ ней страстное влеченіе. Едва заслышавъ ея голосъ въ аллеѣ, ведущей къ источнику, онъ тотчасъ же брался за шляпу и спѣшилъ къ ней на встрѣчу. Онъ не упустилъ ни часу, когда могъ быть съ нею, и провелъ счастливые дни; разлука съ ней была для него тяжела, и въ такомъ-то страстномъ состояніи онъ написалъ превосходное стихотвореніе, на которое смотрѣлъ, какъ на святыню, и которое хранилъ втайнѣ.

Я вѣрилъ этому слуху, потому что онъ вполне соотвѣтствовалъ не только его тѣлесной бодрости, но также и производительной силѣ его духа, и здоровой свѣжести его сердца. Мнѣ очень хотѣлось давно прочесть эти стихи, но я, понятно, медлилъ просить о томъ Гете. И какъ я былъ счастливъ, когда они очутились у меня въ рукахъ!

Онъ самъ переписалъ стихи латинскимъ шрифтомъ на твердой веленовой бумагѣ, и прикрѣпилъ ее шелковымъ шнуркомъ къ красному сафьянному переплету; изъ этого уже было ясно, что онъ эту свою рукопись цѣнилъ болѣе другихъ.

Я прочелъ стихи съ великимъ наслажденіемъ, и въ каждой строчкѣ видѣлъ подтвержденіе слуха. Но изъ первыхъ же стиховъ явствовало, что знакомство завязалось не теперь, и только было *возобновлено*. Стихотвореніе, такъ сказать, постоянно вращалось вокругъ собственной оси и, казалось, постоянно возвращалось къ точкѣ, изъ которой вышло. Конецъ, оборванный чуднымъ образомъ, производилъ необыкновенное и захватывающее впечатлѣніе.

Когда я кончилъ чтеніе, Гете снова подошелъ ко мнѣ. «Сознайтесь, сказалъ онъ,—что я показаль

вамъ нѣчто хорошее? Черезъ нѣсколько дней вы мнѣ скажете о немъ свое мнѣніе». Я былъ очень радъ, что Гете такимъ образомъ отдалялъ мое сужденіе, потому что впечатлѣніе было слишкомъ свѣжо и преходяще, и я не могъ бы тотчасъ сказать что либо достойное вниманія.

Гете обѣщалъ мнѣ дать въ свободное время перечсть это стихотвореніе. Было уже время идти въ театръ, и мы растались, сердечно пожавъ другъ другу руки.

Шахматная доска, можетъ быть, хорошая пьеса, и была отлично разыграна; но я былъ далекъ отъ нея: мои мысли были у Гете. Послѣ театра я проходилъ мимо его дома; онъ ярко свѣтился, я слышалъ, какъ тамъ играли, и раскаивался, что не остался.

На другой день мнѣ рассказали, что молодая полька, madame Шимановская, въ честь которой устраивался вечеръ, мастерски играла на фортепьяно и привела въ восторгъ все общество. Я узналъ также, что Гете познакомился съ нею нынѣшнимъ лѣтомъ въ Маріенбадѣ и что она пріѣзжала навѣстить его.

Днемъ Гете прислалъ мнѣ небольшую рукопись («*Studien*» Цаупера)¹⁾, въ которой я нашелъ прекрасныя замѣчанія. Я послалъ ему нѣсколько стихотвореній, написанныхъ мною лѣтомъ въ Іенѣ.

Среда, 29-го октября 1823.

Наконецъ, въ то время, какъ стали зажигать свѣчи, я пошелъ къ Гете. Онъ былъ въ добромъ и оживленномъ расположеніи духа; его глаза блестѣли и

¹⁾ Переводчикъ Гомера и критикъ.

весь онъ былъ исполненъ веселости, силы и молодости.

Онъ тотчасъ же, ходя взадъ и впередъ со мною по комнатѣ, заговорилъ о посланныхъ мною вчера стихахъ.

«Я понимаю теперь, сказалъ онъ, — почему вы говорили мнѣ въ Іенѣ, что хотите написать поэму о временахъ года. Теперь я вамъ самъ совѣтую приняться за нее; начните ее нынѣшней же зимою. У васъ, повидимому, есть и склонность, и способности къ описанію природы. Но я прибавлю еще слова два насчетъ поэмы. Вы теперь дошли до той точки, когда приходится достигать въ искусствѣ по-истинѣ тяжелаго и труднаго, а именно: схватывать индивидуальныя черты. Вамъ слѣдуетъ сдѣлать усиліе, чтобъ выйти изъ области отвлеченной мысли. У васъ есть талантъ, вы уже настолько подвинулись впередъ и вамъ слѣдуетъ испытать себя. Вы надняхъ были въ Тифуртѣ¹⁾, и я вамъ могу предложить такую задачу. Вамъ, быть можетъ, придется побывать въ Тифуртѣ еще два-три раза, раньше чѣмъ вы схватите его характерныя черты и совокупите въ цѣлое всѣ мотивы; но не бойтесь труда, изучите все хорошенько и затѣмъ опишите предметъ того стоитъ. Я самъ бы давно это сдѣлалъ, но не могу, потому что самъ пережилъ все, что тамъ случилось замѣчательнаго, а потому и не обладаю для того достаточной свободой: мнѣ представляется слишкомъ много частныхъ. Но вы приѣдете туда, какъ по-

¹⁾ Небольшой замокъ съ большимъ паркомъ близъ Веймара. Онъ былъ резиденціей герцогини Амаліи; въ молодости Гете, тамъ часто давались празднества. Паркъ расположенъ по берегамъ Ильма; въ немъ много античныхъ гробницъ, урнъ и камней, посвященныхъ памяти Гердера, Виланда, Моцарта и др.

сторонній; вы попросите зрителя замка рассказать вамъ о прошломъ и увидите только настоящее, выдающееся, значительное».

Я общалъ попытаться, хотя не могъ не сознаться, что такая задача отъ меня далека и что я считаю ее весьма трудной.

«Я прекрасно знаю, что она трудна, сказалъ Гете,—но схватить и изобразить частное (индивидуальное) и составляетъ истинную жизнь искусства. Пока мы держимся только общаго, всякій можетъ подъ насъ поддѣлаться; но въ изображеніи частнаго никто не поддѣляется. Почему? Потому что другіе его не пережили. Не должно также бояться, что частное не встрѣтитъ себѣ отклика. Всякій характеръ, какъ бы своеобразенъ онъ ни былъ, и все, что подлежитъ изображенію, отъ камня до человѣка,—заключаетъ въ себѣ нѣчто общее, потому что все повторяется, и нѣтъ въ свѣтѣ вещи, которая была бы въ немъ только разъ. Съ этой-то ступени изображенія индивидуальнаго и начинается то, что именуется композиціей»¹⁾.

---

¹⁾ Эккерманъ, по нашему, не вполне вѣрно или, по крайности, весьма отвлеченно толкуетъ ниже мысль Гете. Гете находилъ, что настоящее творчество (композиція) начинается тогда, когда поэтъ научается схватывать и живописать индивидуальныя черты даннаго предмета. Находя въ Эккерманѣ способность къ изображенію природы, онъ поэтому и совѣтовалъ ему отъ описанія, такъ сказать, природы вообще, перейти къ изображенію частной мѣстности, именно Тифурта, ставя задачей — живописаніе ея индивидуальных особенностей. Держаться «общаго» въ поэтическихъ образахъ способенъ, такъ сказать, всякій; тутъ всякій можетъ поддѣлаться подъ поэта. Многіе стихотворцы, пишущіе очень милые, красивые и звучные стихи, часто останавливаются, хлибютъ и не идутъ далѣе именно потому, что не могутъ или

Все это было для меня недостаточно ясно, но я удержался отъ дальнѣйшихъ вопросовъ. Быть можетъ, думалъ я, онъ подразумѣваетъ подъ этимъ художественное сліяніе идеальнаго съ реальнымъ, соединеніе того, что находится внѣ насъ, съ тѣмъ, что зарождается внутри насъ. Но, быть можетъ, разумѣль онъ и нѣчто иное. Гете продолжалъ:

«И выставляйте также подъ каждымъ стихотвореніемъ число, когда вы его написали». Я восторженно взглянулъ на него, почему-де это такъ важно. «Такимъ образомъ, добавилъ онъ,—у васъ будетъ какъ бы дневникъ состоянія вашего духа. А это не малая вещь. Вотъ уже много лѣтъ, какъ я дѣлаю это, и понимаю, что оно значитъ».

Настало между тѣмъ время идти въ театръ, и я оставилъ его. «Вы теперь отправляетесь въ Финляндію», шутя сказалъ онъ мнѣ вслѣдъ. Въ этотъ день давали *Іоанна Финляндскаго* г-жи фонъ-Вейсентурнъ.

По случаю этой драмы я сдѣлалъ сдѣдующее замѣчаніе. Когда писатель рисуеъ характеры только посредственно, то они выигрываютъ при представленіи, потому что актеры, какъ живые люди, превращаютъ ихъ въ живыя существа и сообщаютъ имъ нѣкотораго рода индивидуальность. Напротивъ, характеры, мастерски нарисованные великимъ писа-

не умѣютъ переступить этой грани отъ общаго къ индивидуальному, съ которой собственно и начинается истинное искусство. Посредственности благоразумно всегда держаться «общаго», и изъ какого бы быта или времени онъ ни кропали свои поэмы, романы или драмы, все у нихъ равно безцвѣтно и обще, равно приложимо ко всему. Въ умѣньи схватывать тѣ или иныя индивидуальныя черты сказывается и самая индивидуальность поэта; онъ изъ безличнаго стихотворца становится поэтомъ, достойнымъ быть названнымъ по имени. Д. А.

телемъ, характеры, уже одаренные рѣзкой индивидуальностью, необходимо должны терять при представленіи, потому что актеры обычно къ нимъ совсѣмъ не подходятъ и только немногіе изъ нихъ могутъ скрыть свою личную индивидуальность. Если у актера нѣтъ вполнѣ подходящихъ данныхъ, или если онъ не обладаетъ даромъ скрывать свою собственную личность, то образуется примѣсъ, и характеръ теряетъ свою ясность. Отъ этого зависитъ, что въ пьесѣ дѣйствительно великаго поэта только отдѣльныя фигуры выходятъ соотвѣтственно съ первоначальнымъ замысломъ.

Понедѣльникъ, 3-го ноября 1823.

Около пяти часовъ я пошелъ къ Гете. Входя по лѣстницѣ, я услышалъ въ залѣ очень громкій и веселый разговоръ и смѣхъ. Слуга сказалъ мнѣ, что сегодня у нихъ обѣдала молодая польская дама и что гости еще не разошлись. Я хотѣлъ было уйти, но онъ прибавилъ, что ему велѣно доложить обо мнѣ и что мой приходъ, вѣроятно, будетъ пріятенъ хозяину, потому что уже поздно. Мнѣ пришлось ждать немного; вскорѣ вошелъ Гете, очень веселый, и увелъ меня въ свою комнату. Казалось, ему было пріятно, что я пришелъ. Онъ велѣлъ тотчасъ подать бутылку вина и, поподчивавъ меня, налилъ себѣ.

«Чтобъ не забыть, сказалъ онъ, ища что-то въ столѣ,—вотъ вамъ билетъ на концертъ. Завтра вечеромъ въ залѣ городского театра m-me Шимановская дастъ публичный концертъ; вамъ не слѣдуетъ упускать случая». Я отвѣчалъ, что во второй разъ не сдѣлаю той же глупости. «Она, говорятъ, очень хорошо играла», добавилъ я. «Превосходно». — «Такъ же хорошо, какъ Гуммель?» спросилъ я. «Подумайте

только, сказалъ Гете, — что она не только великій виртуозъ, но, вдобавокъ, красивая женщина; оттого намъ въ ней все кажется еще прелестнѣе. У нея мастерская бѣглость, на удивленіе». — «И большая сила»? спросилъ я. «Да, и сила большая, и это въ ней самое удивительное, потому что у женщинъ силы-то обыкновенно и не бываетъ».

Вошелъ секретарь Крейтеръ и доложилъ кое-что по дѣламъ библіотеки. Когда онъ вышелъ, Гете похвалилъ его умѣлость и работность.

Я затѣмъ заговорилъ о его путешествіи въ 1793 г. въ Швейцарію черезъ Франкфуртъ и Штутгартъ, описаніе котораго онъ далъ мнѣ на просмотръ. Я ему напомнилъ, какъ много онъ тогда толковалъ съ Мейеромъ о сюжетахъ для пластическихъ искусствъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Гете, — что важнѣе выбора сюжета и что безъ этого всѣ теоріи искусствъ? Когда сюжетъ не годится, то талантъ тратится даромъ. Въ томъ-то и бѣда всѣхъ художествъ новаго времени, что у нихъ нѣтъ достойныхъ сюжетовъ. Отъ этого страдаемъ мы всѣ; я не скрываю и своей принадлежности къ новому времени. Немногіе художники ясно понимаютъ и знаютъ, что имъ годится. Напримѣръ, рисуютъ моего *Рыбака* и не думаютъ, что онъ вовсе не годится для живописи. Въ этой балладѣ просто выражено ощущеніе воды; та прелесть, которая лѣтомъ соблазняетъ насъ купаться. Больше въ ней ничего нѣтъ; какъ же это можно нарисовать!»

Далѣе я сказалъ, что меня радуетъ, что онъ во время тогдашняго путешествія принималъ во всемъ интересъ и не пропускалъ ничего; видъ и положеніе горъ, ихъ горныя породы; почва, рѣки, облака, воздухъ, вѣтеръ и погода; затѣмъ города, ихъ осно-

наніе и постепенное возростаніе; архитектура, живопись, театр; городское устройство и управленіе; ремесла, сельское хозяйство, пути сообщенія; расы людей, родъ жизни, особенности; затѣмъ, политика и военныя обстоятельства, и сотня другихъ вещей.

Гете отвѣчалъ: «Но вы ни слова не найдете о музыкѣ, и потому именно, что она не входила въ мою сферу. Всякій долженъ знать во время путешествія, что его дѣло и что ему слѣдуетъ видѣть».

Вошелъ г. канцлеръ и, поговоривъ немного съ нами, снова ушелъ къ дамамъ, гдѣ, какъ я слышалъ, играли на фортепьяно. По его уходѣ, Гете весьма хорошо о немъ отозвался и добавилъ: «Всѣ эти преносходные люди, съ которыми вы вошли въ пріятныя отношенія,—вотъ что я называю родиной, куда человекъ всегда охотно возвращается».

Я отвѣчалъ, что начинаю ощущать благотворное вліяніе моего пребыванія въ Веймарѣ; что я мало-по-малу освобождаюсь отъ моихъ идеальныхъ и теоретическихъ сужденій и съ каждымъ днемъ научаюсь цѣнить все болѣе настоящую минуту. «Было бы дурно, еслибы этого не произошло, сказалъ Гете.—Укрѣпляйтесь въ этомъ и твердо держитесь настоящаго. Всякое обстоятельство, даже всякое мгновеніе, имѣетъ безконечную цѣнность, потому что оно—представитель цѣлой вѣчности».

Затѣмъ наступило небольшое молчаніе; потомъ я завелъ рѣчь о Тифуртѣ и о томъ, какъ описать его. «Предметъ слишкомъ разнообразенъ, сказалъ я,—и ему трудно придать вполнѣ соотвѣтствующую форму. Для меня было бы легче написать это въ прозѣ».

«Для этого сюжетъ не довольно значителенъ, сказалъ Гете.—Такъ называемая дидактико-описатель-

ная форма въ цѣломъ была бы здѣсь самой лучшей; но и она не вполне подходитъ. Самое лучшее раздѣлите поэму на десять или двѣнадцать небольшихъ стихотвореній, но разныхъ размѣровъ и формъ, смотря по содержанію, и по тому, на какія стороны и мысли вы въ нихъ обратите вниманія; такимъ образомъ цѣлое будетъ и описано, и освѣщено». Совѣтъ показался мнѣ цѣлесообразнымъ. «И почему бы вамъ не прибѣгнуть разокъ къ драматической формѣ, въ родѣ разговора съ садовникомъ? Такимъ расчлененіемъ поэмы облегчается задача и можно лучше изобразить характерное различныхъ сторонъ предмета. Поэма же, объемлющая большое цѣлое, дѣло трудное и рѣдко удастся».

Понедѣльникъ, 10-го ноября 1823.

Гете нѣсколько дней не здоровится; онъ, кажется, страдаетъ отъ сильной простуды. У него сильный и жестокий кашель; ему, повидимому, трудно откашляться, и онъ при этомъ прижимаетъ руку къ сердцу. Сегодня передъ спектаклемъ я зашелъ къ нему на полчаса. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, съ заложеной за спину подушкой; ему тяжело говорить.

Послѣ нѣсколькихъ словъ онъ выразилъ желаніе, чтобъ я прочелъ стихотвореніе, которымъ онъ хочетъ открыть новый, приготавливаемый къ печати выпускъ *Искусство и Древность*. Онъ продолжалъ сидѣть, и указалъ мнѣ, гдѣ лежитъ стихотвореніе. Я взялъ свѣчу и сѣлъ нѣсколько поодаль отъ него, у его письменнаго стола.

Стихотвореніе было страннаго характера; прочтя его разъ и еще не вполне понявъ его, я чувствовалъ, что особенно взволнованъ и охваченъ имъ. Предметомъ его было прославленіе паріи и оно

было обработано въ видѣ трилогіи. Господствующій въ немъ тонъ казался мнѣ взятымъ изъ чуждаго міра,—а изображеніе таково, что мнѣ было трудно живо представить себѣ самый предметъ. Мнѣ мѣшало также углубиться и присутствіе Гете; я слышалъ то какъ онъ кашлялъ, то какъ онъ вздыхалъ, и самъ я какъ бы распался пополамъ: одна моя половина читала, а другая чувствовала его присутствіе. Поэтому мнѣ приходилось перечитывать стихи, чтобы вникнуть въ нихъ. Но, чѣмъ я болѣе вникалъ, тѣмъ поэма казалась мнѣ болѣе замѣчательной и принадлежащей къ высшимъ областямъ искусства.

Я заговорилъ съ Гете какъ о сюжетѣ, такъ и о его обработкѣ; вслѣдствіе его объясненій, многое представилось мнѣ живѣе.

— Конечно, добавилъ онъ,—обработка очень сжатая и надо хорошенько вникнуть, чтобы вполне понять поэму. Мнѣ самому она кажется выкованнымъ изъ стальныхъ проволокъ дамасскимъ клинкомъ. Зато и выносилъ въ себѣ этотъ сюжетъ сорокъ лѣтъ¹⁾ и у меня, понятно, было время устранить изъ него все излишнее.

— Оно произведетъ большое впечатлѣніе на публику, когда будетъ напечатано, сказалъ я.

— Ахъ, публика! вздохнулъ Гете.

— Не лучше ли, сказалъ я,—ради облегченія пониманія, сдѣлать объясненіе въ родѣ того, какъ при картинахъ, гдѣ разсказывается о томъ, что предшествовало изображенному моменту.

---

¹⁾ Матеріалъ для этой поэмы Гете почерпнулъ въ 1783 г. изъ перевода Соннератова «Путешествія въ Остѣ-Индію и Китай».

— Я не того мнѣнія, отвѣчалъ Гете.—Картина иное дѣло; но стихотвореніе само состоитъ изъ словъ, и потому одно слово уничтожить другое.

Гете, по-моему, весьма удачно указалъ на тотъ подводный камень, на который обыкновенно натыкаются издатели стихотвореній. Но еще вопросъ, нельзя ли избѣгнуть такого камня и объяснить словами стихотвореніе, не нарушая нѣжнаго въ его внутренней жизни?

Когда я уходилъ, онъ мнѣ далъ листы *Искусства и Древность*, чтобъ я дома могъ перечестъ поэму; онъ далъ мнѣ также *Восточныя розы* Рюккерта, поэта, котораго онъ, повидимому, весьма цѣнить и отъ котораго ждетъ многого.

Пятница, 13-го ноября 1823.

Нѣсколько дней назадъ, когда послѣ обѣда я гулялъ на эрфуртской дорогѣ, ко мнѣ подошелъ пожилой человѣкъ, котораго по виду я принялъ за зажиточнаго горожанина. Вскорѣ у насъ разговоръ перешелъ на Гете. Я спросилъ его, знаетъ ли онъ лично Гете. «Знаю ли я его! съ довольнымъ видомъ отвѣчалъ онъ, я былъ около двадцати лѣтъ его камердинеромъ». И онъ распространился въ похвалахъ своему прежнему господину. Я попросилъ его рассказать мнѣ о молодости Гете, на что онъ съ радостью согласился.

«Когда я поступилъ къ нему, сказалъ онъ,—ему было около 27 лѣтъ; онъ былъ очень худошавъ, подвиженъ и красивъ; я могъ бы легко его снести».

Я спросилъ его, былъ ли Гете тогда, въ первое время своего пребыванія здѣсь, очень веселъ. «Конечно, отвѣчалъ онъ, съ весельчаками и онъ бывалъ веселъ, но никогда не свѣше мѣры; когда ве-

селость переходила границы, онъ становился серьезнѣе». Онъ постоянно работалъ и дѣлалъ изысканія, и умъ его всегда былъ устремленъ на искусство и науки. По вечерамъ къ нему часто заходилъ герцогъ и часто они до глубокой ночи бесѣдовали объ ученыхъ вещахъ; такъ что для слуги время часто тянулось долго и онъ справлялся, ушелъ ли герцогъ или нѣтъ. Еще тогда онъ занимался естественными науками.

«Разъ позвонилъ онъ среди ночи, и, когда я вошелъ, то увидѣлъ, что онъ уже переставилъ свою кровать къ окну и, лежа въ ней, смотрѣлъ на небо. Ты ничего не видѣлъ на небѣ? спросилъ онъ меня, и, когда я отвѣчалъ что ничего, то онъ прибавилъ: «Сбѣгай на гауптвахту и спроси у караула, не видѣли ли они чего нибудь?» Я побѣжалъ, но и караулъ ничего не видалъ; обо всемъ этомъ я ему доложилъ, а онъ все также лежалъ и, не отрываясь, глядѣлъ на небо. «Слушай, сказалъ онъ,—теперь настала важная минута; теперь землетрясеніе, или скоро будетъ». Онъ заставилъ меня присѣсть на кровать и сталъ мнѣ объяснять признаки, по которымъ узналъ объ этомъ.

Я спросилъ добраго старика, какая тогда была погода.

«Было очень облачно, сказалъ онъ,—воздухъ не шелохнулся, было очень тихо и душно».

Я спросилъ его, повѣрилъ ли онъ Гете на слово.

«Да, отвѣчалъ онъ,—я повѣрилъ ему съ перваго слова; потому что онъ всегда предсказывалъ вѣрно. На слѣдующій день мой господинъ разсказалъ о своихъ наблюденіяхъ при дворѣ и тутъ одна дама шепнула другой на ушко: «Гете сочиняетъ!» Но герцогъ и другіе господа повѣрили Гете, и скоро ока-

залось, что онъ былъ правъ: черезъ нѣсколько недѣль пришла вѣсть, что въ эту самую ночь часть Мессины была разрушена землетрясеніемъ».

Пятница, 14-го ноября 1823.

Подъ вечеръ Гете прислалъ мнѣ приглашеніе зайти къ нему; Гумбольдтъ, гостившій въ Веймарѣ, былъ отозванъ въ этотъ день ко двору, и ему было бы пріятно меня видѣть. Какъ и въ предыдущіе дни, онъ сидѣлъ еще въ креслѣ; онъ дружески протянулъ мнѣ руку и съ небесной кротостью произнесъ нѣсколько словъ. Недалеко отъ него стоялъ большой экранъ, защищавшій его отъ жара печки и заставшій свѣчи. Къ намъ вскорѣ присоединился г. канцлеръ. Мы подсѣли къ Гете и завели легкій разговоръ, который онъ только слушалъ. Затѣмъ явился докторъ, придворный совѣтникъ Рэбейнъ. Онъ нашелъ, что пульсъ у Гете, какъ онъ выразился, веселый и вѣтранный, чему мы порадовались, а Гете сказалъ на этотъ счетъ шутку. «Если бы только прекратилась эта боль около сердца!» жалобно произнесъ онъ. Рэбейнъ предложилъ поставить пластырь; мы сказали, что это хорошо дѣйствуетъ, и Гете согласился. Рэбейнъ завелъ рѣчь о Маріенбадѣ, чѣмъ возбудилъ въ Гете пріятныя воспоминанія. Строили планы вновь отправиться туда лѣтомъ, и было сказано, что великій герцогъ непременно поѣдетъ; Гете это привело въ веселое расположеніе духа. Говорили также о m-me Шимановской, вспоминая о дняхъ, когда она была здѣсь и какъ она очаровала всѣхъ мужчинъ.

По уходѣ Рэбейна, канцлеръ сталъ читать индійскія поэмы; Гете же въ это время говорилъ со мною о своей *Маріенбадской элегии*. Въ восемь ча-

совъ, канцлеръ ушелъ; я также хотѣлъ идти, но Гете попросилъ меня еще посидѣть. Разговоръ перешелъ на театръ; на завтра былъ назначенъ *Валленштейнъ*, и мы поэтому заговорили о Шиллерѣ.

«Я какъ-то странно отношусь къ Шиллеру, сказалъ я,—нѣкоторыя сцены его драмъ я читаю съ удовольствіемъ и удивленіемъ, но я натываюсь на такія неправильности противъ натуры, что дальше не могу читать. То же самое испытываю я даже въ *Валленштейнѣ*. Я невольно думаю, что философское направленіе Шиллера вредило его поэзіи; потому что отъ этого онъ привыкъ цѣнить идеи больше, чѣмъ натуру, и даже отвергалъ ее. То что представлялось его мысли, то, по его мнѣнію, должно было случиться, согласно ли оно съ натурой, или нѣтъ».

«Печально видѣть, сказалъ Гете,—какъ столь обыкновенно одаренный человѣкъ мучаетъ себя философскими системами, которыя ему ни на что не могутъ пригодиться. Гумбольдъ привезъ мнѣ письма, которыя Шиллеръ писалъ къ нему въ этотъ несчастный періодъ умозрѣній. Изъ нихъ видно, какъ онъ тогда мучалъ себя, стараясь освободить сентиментальную поэзію отъ всякаго слѣда наивной. Но онъ никакъ не могъ найти почвы для такого рода поэзіи, и это повергало его въ несказанныя затрудненія». И, улыбаясь, Гете добавилъ: «Какъ будто сентиментальная поэзія можетъ обойтись безъ наивныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ она вырастаетъ. Но Шиллеръ, говорилъ дальше Гете,—не могъ писать съ извѣстной долей безсознательности, слѣдуя инстинкту; ему требовалось рефлексировать обо всемъ, что онъ ни дѣлалъ. Поэтому онъ не уставалъ толковать о своихъ поэтическихъ пред-

положеніяхъ и рассказывалъ мнѣ свои послѣднія пьесы, сцену за сценой. Напротивъ, было противно моей натурѣ говорить съ кѣмъ либо, даже съ Шиллеромъ, о моихъ поэтическихъ планахъ. Я вынашивалъ все тихо въ душѣ и обыкновенно никто не зналъ о вещи, пока она не была кончена. Когда я показалъ Шиллеру готовую *Германа и Доротею*, то онъ удивился, что я даже не заикнулся раньше, что у меня есть нѣчто подобное. Мнѣ любопытно, что-то вы завтра скажете о *Валленштейнѣ*. Вы увидите великіе образы, и пьеса произведетъ на васъ впечатлѣніе, какого вы, вѣроятно, не ожидаете».

Суббота, 16-го ноября 1823.

Вечеромъ у Гете. Онъ сидѣлъ въ креслѣ и, казалось, былъ слабъ. Его первый вопросъ былъ о *Валленштейнѣ*. Я сказалъ ему о томъ огромномъ впечатлѣніи, которое произвела на меня пьеса при сценическомъ исполненіи; онъ слушалъ съ видимой радостью.

Г. Сорэ принеся, по порученію великаго герцога, золотыя медали, разсматриваніе которыхъ доставило больному удовольствіе.

По уходѣ Сорэ, вспомнивъ о своемъ обѣщаніи дать мнѣ прочесть еще разъ свою *Маріенбадскую элегію*, Гете всталъ, поставилъ свѣчу на столъ и подаль мнѣ стихотвореніе. Я былъ счастливъ, видя его снова передъ глазами. Прочитавъ, я хотѣлъ поговорить съ нимъ о поэмѣ, какъ мнѣ показалось, что онъ уснулъ. Я воспользовался случаемъ и нѣсколько разъ перечелъ стихотвореніе. Оно мнѣ доставило рѣдкое наслажденіе. Юношескій пылъ любви, умѣренный нравственной высотой духа, — такимъ въ общемъ показался мнѣ господствующій

тонъ поэмы. Мнѣ пришло также въ голову, что чувства были высказаны сильнѣе, чѣмъ въ другихъ стихотвореніяхъ Гете, и я отсюда заключилъ, что тутъ сказалось вліяніе Байрона, чего не отвергалъ и самъ Гете.

— Это продуктъ въ высшей степени страстнаго состоянія, сказалъ онъ;—когда оно овладѣло мною, я ни за что бы въ свѣтѣ не пожелалъ избавиться отъ него; теперь же ни за какую цѣну я не пожелалъ бы, чтобъ оно снова овладѣло мною. Я написалъ поэму тотчасъ по отъѣздѣ изъ Маріенбада, когда во мнѣ было еще вполнѣ свѣжо чувство пережитого. Утромъ, въ восемь часовъ, написалъ я первую строфу и продолжалъ сочинять въ каретѣ, и на каждой станціи записывалъ то, что было готово; къ вечеру я все окончилъ. Оттого въ poemѣ есть извѣстная непосредственность и вся она вылилась сразу, что хорошо отразилось на цѣломъ.

— Сверхъ того, сказалъ я,—въ ней во всей есть нѣчто свое собственное и она не напоминаетъ ни одного изъ другихъ вашихъ произведеній.

— Это произошло оттого, сказалъ Гете,—что я относился къ настоящему, какъ дѣлаютъ игроки, ставя на карту значительную сумму; я старался выситъ данную минуту насколько возможно, но безъ преувеличенія.

Эти слова показались мнѣ весьма замѣчательными, потому что они уясняютъ намъ методу творчества Гете и позволяютъ понять ту многообразность, которую всѣ дивятся въ немъ.

Между тѣмъ время подошло къ девяти часамъ и Гете попросилъ меня позвать его слугу, Штадельманна, который и поставилъ ему прописанный докторомъ пластырь. Я отошелъ къ окну, но слышалъ,

какъ Гете жаловался Штадельманну на боль, на то, что ему нисколько не легче и что болѣзнь грозитъ стать хронической. Когда пластырь былъ поставленъ, я снова подсѣлъ къ Гете. Онъ жаловался и мнѣ, что уже нѣсколько ночей вовсе не спалъ; что у него нѣтъ никакого позыва на пищу. «Зима все подвигается, сказалъ онъ,—а я ничего не могу дѣлать, ничто не вяжется въ головѣ и умъ вполне безсиленъ». Я старался его успокоить, просилъ его не очень думать о работѣ и высказалъ надежду, что онъ скоро поправится. «Ахъ, сказалъ онъ,—я вовсе не нетерпѣливъ, я пережилъ уже нѣсколько такихъ состояній и научился страдать и терпѣть». Онъ сидѣлъ въ бѣломъ фланелевомъ шлафрокѣ и ноги у него были завернуты въ шерстяное одѣяло. «Я не лягу въ постель, сказалъ онъ,—я просижу всю ночь въ креслѣ; все равно, настоящаго сна не будетъ».

Было уже время уходить; онъ любезно протянулъ мнѣ руку, и я вышелъ.

Когда я вошелъ за плащомъ въ прихожую, то нашелъ Штадельманна въ великомъ смущеніи. Онъ сказалъ, что боится за своего господина; что, когда онъ жалуется, то это дурной знакъ. Притомъ у него сразу похудали ноги, а до того были слегка опухши. Онъ хотѣлъ завтра пораньше утромъ сходить къ доктору, чтобъ сообщить ему эти дурные признаки. Я старался его успокоить, но не могъ разсѣять его страха.

Понедѣльникъ, 17-го ноября 1823.

Сегодня вечеромъ по дорогѣ въ театръ встрѣтились мнѣ многіе и тревожно освѣдомлялись о здоровьѣ Гете. Слухъ о его болѣзни быстро разошелся

по городу, и опасность преувеличили. Говорятъ, будто у него водянка въ груди.

* Того же числа ¹⁾).

Вчера на минутку заходилъ къ Гете. Присутствіе Гумбольдта и разговоръ съ нимъ подѣйствовали на него благотѣльно. Его страданія кажутся мнѣ не просто физическими. Я скорѣе думаю, что страсть къ молодой дамѣ, охватившая его прошлымъ лѣтомъ въ Маріенбадѣ, и которую онъ хочетъ побороть, слѣдуетъ считать главной причиной его болѣзни.

Пятница, 21-го ноября 1823.

Гете позвалъ меня къ себѣ. Къ моей великой радости, я увидѣлъ, что онъ попрежнему ходитъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Онъ далъ мнѣ книжку *Газели*, графа Платена. «Я хотѣлъ поговорить о ней въ *Kunst* и *Alterthum*, сказалъ онъ, — потому что стихи того заслуживаютъ. Но мое нездоровье не позволяетъ этого. Посмотрите, не удастся ли вамъ овладѣть книжкой и что нибудь извлечь изъ нея».

Я сказалъ, что попытаюсь.

«Въ газеляхъ та особенность, продолжалъ онъ, — что они требуютъ богатства содержанія; постоянно возвращающаяся риема требуетъ, чтобъ былъ наготовѣ запасъ подобныхъ мыслей. Поэтому этотъ родъ не всякому удастся; но эти вамъ понравятся».

Понедѣльникъ, 24-го ноября 1823.

Въ субботу и воскресенье я изучалъ стихотворенія Платена. Сегодня утромъ я написалъ о нихъ

---

¹⁾ Изъ Сорэ. О побѣдѣ надъ страстью свидѣтельствуетъ третья часть трилогіи, названная *Aussöhnung* (Примиреніе).

свое мнѣніе и послалъ его Гете, потому что узналъ, что къ нему никого не пускаютъ уже нѣсколько дней: врачъ запретилъ ему говорить.

Сегодня вечеромъ, однако, онъ пригласилъ меня къ себѣ. Войдя, я увидѣлъ, что для меня уже поставленъ подлѣ него стулъ. Онъ протянулъ мнѣ руку и былъ очень любезенъ и добръ со мною. Онъ тотчасъ заговорилъ о моей рецензіи. «Мнѣ она очень понравилась, сказалъ онъ, — у васъ прекрасное дарованіе. Послушайте, что я скажу вамъ: если вамъ будетъ сдѣлано кѣмъ нибудь предложеніе литературной работы, то отклоните его, или по крайней мѣрѣ сообщите мнѣ о немъ предварительно; теперь вы связаны со мной и мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ вы завели другія связи».

Я отвѣчалъ, что хочу держаться его одного и что мнѣ вовсе не нужны другія связи. Это ему понравилось и онъ сказалъ, что еще нынѣшней же зимой мы совмѣстно сдѣлаемъ нѣсколько прекрасныхъ работъ.

Затѣмъ, мы заговорили о *Газеляхъ*, и Гете порадовался законченности этихъ поэмъ и тому, что въ нашей новѣйшей литературѣ являются превосходныя вещи.

«Я посовѣтовалъ бы вамъ, добавилъ онъ, — заняться внимательно изученіемъ нашихъ новѣйшихъ талантовъ. Я желалъ бы, чтобъ вы знакомились со всѣмъ, что появляется замѣчательнаго въ нашей литературѣ, и указывали бы мнѣ на самое достойное; мы могли бы говорить о томъ въ *Kunst und Alterthum*, и указывать на все хорошее, благородное и достойное. Потому, что, при всемъ желаніи, я, въ мои преклонныя лѣта и при тысячѣ обязанностей, не въ силахъ сдѣлать это безъ посторонней помощи».

Я общалъ и порадовался, видя, что Гете принимаетъ къ сердцу новѣйшихъ нашихъ писателей и поэтовъ гораздо больше, чѣмъ я полагалъ. Черезъ нѣсколько дней онъ прислалъ мнѣ литературныя журналы для цѣли, о которой мы говорили.

Понедѣльникъ, 1-го декабря 1823.

Сегодня я былъ приглашенъ къ Гете на обѣдъ. У него былъ Цельтеръ, прѣхавшій нѣсколько дней тому. Оба сдѣлали нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу и подали мнѣ руку. «Вотъ, сказалъ Гете,—мой другъ Цельтеръ¹⁾. Въ немъ вы пріобрѣтете хорошаго знакомаго; я вскорѣ пошлю васъ въ Берлинъ, и онъ васъ тамъ приметъ какъ нельзя лучше».

— Въ Берлинѣ, сказалъ я,—должно быть хорошо.

— Да, смѣясь, отвѣчалъ Цельтеръ,—тамъ многому можно и научиться, *и разучиться*.

Мы усѣлись и начали болтать. Я освѣдомился насчетъ Шубарта. «Онъ бываетъ у меня по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, отвѣчалъ Цельтеръ,—онъ женился, но безъ мѣста: онъ не угодилъ въ Берлинѣ филологамъ».

¹⁾ Карлъ-Фридрихъ Цельтеръ родился въ 1758 г. Онъ былъ профессоромъ музыки въ Берлинской академіи искусствъ и основателемъ берлинскаго Liedertafel'я. Онъ положилъ на музыку многіе стихи Гете. Со времени смерти Шиллера, Гете былъ съ нимъ въ непрерывной и самой интимной перепискѣ. До описываемаго прѣзда Цельтера, здоровье Гете было все плохо, онъ пересталъ даже принимать лекарство. Цельтеръ противъ обычая остановился не у него, а въ гостинницѣ. Прѣздъ Цельтера благотѣльно подѣйствовалъ на Гете; онъ сталъ снова принимать лекарство и быстро поправился. Переписка Цельтера съ Гете издана въ 6 т. въ 1833 г. Киммеромъ. Любопытно, что, не взирая на тѣсную дружбу, Гете съ Цельтеромъ были долго на *вы*. Въ первый разъ, Гете написалъ ему *ты*, получивъ извѣстіе о самоубійствѣ его сына.

Цельтеръ спросилъ меня затѣмъ, знаю ли я Иммермана. «Я весьма часто слышалъ его имя, отвѣчалъ я,—но еще не знаю ни одного изъ его сочиненій».—Я познакомился съ нимъ въ Мюнстерѣ, сказалъ Цельтеръ,—это молодой человѣкъ, подающій большія надежды, и надо пожелать, чтобъ должностныя обязанности дозволили ему больше заниматься искусствомъ. Гете также съ похвалой отзывался о его талантѣ. «Посмотримъ,—сказалъ онъ, какъ онъ разовьется; удастся ли ему очистить свой вкусъ и принять за руководство въ дѣлѣ формы всѣми признанные лучшіе образцы. Въ его оригинальныхъ стремленіяхъ есть нѣчто хорошее, но они могутъ ввести его въ ошибку».

Вошелъ, подпрыгивая, маленькій Вальтеръ и забросалъ вопросами Цельтера и дѣда. «Какъ только ты придешь, безпокойный духъ, сейчасъ спутаешь всякій разговоръ», сказалъ Гете. Онъ, впрочемъ, любилъ мальчика и исполнялъ всѣ его желанія.

Вошли г-жа фонъ-Гете и m-lle Ульрика; съ ними и молодой Гете въ мундирѣ и при шпагѣ, чтобъ ѣхать во дворецъ. Мы сѣли за столъ. M-lle Ульрика и Цельтеръ были особенно веселы и во весь обѣдъ самымъ милымъ образомъ подшучивали другъ надъ другомъ. Мнѣ нравилось и то, что Цельтеръ съ нами, и онъ самъ лично. Какъ здоровый и счастливый человѣкъ, онъ вполне жилъ настоящимъ и у него всегда находилось словцо кстати. Сверхъ того, у него было много добродушія и пріятности; онъ никогда не стѣснялся и готовъ былъ высказывать все прямо, порою и очень рѣзкое. Его свободное обращеніе сообщалось и другимъ, и при немъ скоро исчезали всякія стѣснительныя приличія. Я про себя желалъ прожить съ нимъ нѣсколько

времени и увѣренъ, что это было бы мнѣ на пользу. Скоро послѣ обѣда Цельтеръ ушелъ; онъ былъ отпрошенъ на вечеръ къ великой герцогинѣ.

Четвергъ, 4-го декабря 1823.

Сегодня утромъ секретарь Крейтеръ принесть мнѣ отъ Гете приглашеніе на обѣдъ. При этомъ онъ намекнулъ отъ имени Гете, чтобъ я поднесъ Цельтеру экземпляръ «*Beiträge zur Poesie*». Я самъ отнесъ книгу къ нему въ гостиницу. Взамѣнъ Цельтеръ далъ мнѣ *Стихотворенія* Иммерманна. «Я охотно подарилъ бы вамъ этотъ экземпляръ, сказалъ онъ,—но вы видите, что авторъ сдѣлалъ на немъ надпись, и я долженъ хранить его на память».

Передъ обѣдомъ я съ Цельтеромъ сдѣлалъ прогулку черезъ паркъ къ Обервеймару¹⁾. Многія мѣста напоминали ему о прошломъ и онъ много рассказывалъ мнѣ о Шиллерѣ, Виландѣ и Гердерѣ, съ которыми былъ очень друженъ,—что считалъ великимъ счастьемъ своей жизни.

Онъ также много говорилъ о музыкальной композиціи и при этомъ продекламировалъ нѣсколько пѣсенъ Гете. «Когда мнѣ хочется написать музыку на какое нибудь стихотвореніе, сказалъ онъ,—то я сперва стараюсь проникнуть въ смыслъ словъ и живо представить себѣ данное положеніе. Затѣмъ я вслухъ читаю стихи, пока не выучу ихъ наизусть, и въ то время, когда я все ихъ повторяю и повторяю, мелодія приходитъ сама собою».

Вѣтеръ и дождь заставили насъ вернуться раньше, чѣмъ хотѣлось. Я проводилъ его до дома Гете; онъ желалъ еще до обѣда спѣть съ г-жой фонъ-Гете.

¹⁾ Небольшая деревенька на берегу Ильма, вверхъ и очень недалеко отъ Веймара.

Въ два часа я отправился на обѣдъ. Я засталъ Цельтера уже съ Гете; оба, сидя, разсматривали гравюры итальянскихъ ландшафтовъ. Вошла г-жа фонъ-Гете, и мы пошли обѣдать. М-лле Ульрики сегодня не было; молодой Гете вошелъ только для того, чтобъ поздороваться, и тотчасъ же отправился во дворецъ.

Разговоръ за обѣдомъ былъ самый разнообразный. И Цельтеромъ, и Гете было разсказано множество оригинальныхъ анекдотовъ; всѣ они имѣли цѣлью уяснить качества ихъ общаго берлинскаго друга, Ф. А. Вольфа. Затѣмъ много говорили о Ницеллунгахъ, о лордѣ Байронѣ и его предполагаемомъ приѣздѣ въ Веймаръ, что особенно интересовало г-жу фонъ-Гете. Пѣсня Гете *Военное счастье* была также предметомъ веселыхъ разговоровъ. Цельтеръ былъ неистощимъ въ анекдотахъ о раненыхъ солдатахъ и красивыхъ дѣвушкахъ, все ради доказательства правдивости стихотворенія. Самъ Гете замѣтилъ, что ему не къ чему было пускаться вдаль за отысканіемъ оригинала; что онъ самъ лично пережилъ все это въ Веймарѣ. Г-жа фонъ-Гете стала весело противорѣчить, говоря, что она не хочетъ вѣрить, чтобъ женщины были такими, какъ изображены въ этой «гадкой» пѣснѣ. Словомъ, обѣдъ прошелъ весело.

Когда затѣмъ мы остались вдвоемъ съ Гете, онъ меня спросилъ о Цельтерѣ. «Ну, какъ онъ вамъ понравился?» Я сказалъ, какое благотворное впечатлѣніе онъ произвелъ на меня. «При первомъ знакомствѣ, сказалъ Гете,—онъ можетъ показаться очень рѣзкимъ, даже нѣсколько грубымъ. Но все это внѣшность. Я почти никого не знаю, кто былъ бы такъ *нѣженъ*, какъ Цельтеръ. Притомъ не слѣ-

дуетъ забывать, что онъ прожилъ полъ вѣка въ Берлинѣ. А тамъ, какъ я по всему замѣчаю, живеть такая суровая порода людей, что съ деликатностью далеко не уйдешь; чтобъ васъ не утопили, тамъ надо быть зубастымъ и даже порой нѣсколько грубымъ».

* Пятница, 3-го декабря 1823.

Я принесъ Гете нѣсколько минераловъ и, между прочимъ, кусокъ глинистой охры. Каково же было мое удивленіе, когда Гете узналъ въ немъ краску, которую Ангелика Кауффманъ употребляла при живописи тѣла. «Она цѣнила ее на вѣсъ золота, сказалъ онъ.—Но она не знала, гдѣ ее находятъ и откуда привозятъ». Гете сказалъ своей невѣсткѣ, что я съ нимъ обращаюсь, какъ съ султаномъ: всякій день новые подарки. «Скорѣй онъ обращается съ вами, какъ съ ребенкомъ», отвѣчала г-жа фонъ-Гете, и онъ невольно улыбнулся.

* Воскресенье, 7-го декабря 1823.

Я спросилъ Гете, какъ онъ себя чувствуетъ. «Не такъ плохо, какъ Наполеонъ на своемъ островѣ», со вздохомъ отвѣчалъ онъ. Его болѣзненное состояніе, кажется, затягиваясь, мало-по-малу удручаетъ его.

* Воскресенье, 21-го декабря 1823.

Гете сегодня вполнѣ поправился. Сегодня самый короткій день въ году, и надежда на то, что теперь съ каждой недѣлей дни станутъ быстро удлиняться, повидимому, благотворно на него дѣйствуетъ. «Сегодня мы празднуемъ рожденіе новаго солнца!» весело вскричалъ онъ при моемъ входѣ. Я узналъ,

что всякій годъ онъ чувствуетъ слабость и уныніе нѣсколько недѣль передъ самымъ короткимъ днемъ.

Вошла г-жа фонъ-Гете и объявила свекру, что скоро ѣдетъ въ Берлинъ навстрѣчу своей матери. По ея уходѣ, Гете улыбнулся, видя живость воображенія, которая характеризуетъ молодость. «Я слишкомъ старъ, сказалъ онъ,—чтобъ ей противорѣчить и доказывать ей, что радость свиданія съ матерью будетъ здѣсь ровно такая же, какъ и тамъ; это зимнее путешествіе сильно утомитъ ее, и изъ-за ничего, но это «ничто» часто для юности кажется безконечностью. Ахъ! въ концѣ концовъ, она все-таки права. Надо часто дѣлать глупости, чтобъ возымѣть смѣлость прожить еще. Когда я былъ молодъ, я поступалъ какъ она, и, однако, вышелъ изъ всего въ довольно сносномъ состояніи».

* Вторникъ, 30-го декабря 1823.

Цѣлый вечеръ провелъ вдвоемъ съ Гете въ различныхъ разговорахъ. Онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ включить въ собраніе сочиненій свое путешествіе въ Швейцарію въ 1797 г. Затѣмъ мы говорили о *Вертерѣ*, котораго онъ перечелъ только разъ, лѣтъ черезъ десять послѣ появленія въ печати. Онъ поступаетъ также относительно другихъ своихъ сочиненій. Затѣмъ говорили о переводахъ, причемъ онъ замѣтилъ, что ему было трудно переводить съ англійскаго стихами. «Когда хочешь передать столь выразительныя односложныя англійскія слова нѣмецкими многосложными, или составными словами,—то теряется весь эффектъ и вся сила». Онъ сообщилъ мнѣ, что перевелъ *Neveu de Rameau* въ четыре недѣли, причемъ все диктовалъ.

Затѣмъ мы заговорили о естественныхъ наукахъ

и объ умственной мелочности, съ которою тѣ или другіе ученые борются за свое превосходство. «Ничто мнѣ не доставило лучшаго случая узнать людей, какъ мои научныя работы. Онѣ мнѣ много стоили и причинили мнѣ довольно страданій, хотя я и доволенъ сдѣланнымъ опытомъ». — «Мнѣ кажется, сказалъ я — что при научныхъ занятіяхъ возбуждается особаго рода эгоизмъ, а когда затронута самолюбіе, то скоро обнаруживаются всѣ слабыя стороны характера». — «Научные вопросы, сказалъ Гете, — весьма часто бываютъ вопросами существованія. Одно открытіе можетъ доставить человѣку извѣстность и обезпечить его общественное положеніе. Вотъ отчего въ ученомъ мірѣ господствуютъ эта грубость, это упрямство, эта зависть ко взглядамъ другого. Въ царствѣ прекраснаго, все идетъ съ большей кротостью¹⁾; мысли — болѣе или менѣе врожденная всѣмъ людямъ способность; все сводится къ обработкѣ и изложенію, и тутъ естественно меньше мѣста для зависти. Одна и та же мысль можетъ послужить основой для сотни эпиграммъ; вопросъ сводится къ тому, чтобъ сказать, кто изъ поэтовъ, сдумѣлъ сильнѣе и прекраснѣе олицетворить эту мысль. Въ наукахъ же обработка ничего не значить; все дѣло во взглядѣ. Тутъ мало общаго и субъективнаго; отдѣльныя обнаруженія законовъ природы стоятъ передъ нами, какъ сфинксы, неподвижно, неизмѣнно и безъ словъ; всякое объясненное явленіе составляетъ открытіе, всякое открытіе есть собственность. А дотроньтесь только до одной изъ этихъ собственности, и человѣкъ явится предъ вами со всѣми своими страстями».

¹⁾ Ср. ниже разговоръ подъ 15-го октября 1825.

«Ученые, вдобавокъ, считаютъ своей собственностью также и то, что имъ преподавали и чему они выучились въ школѣ. И вдругъ является человѣкъ и вносить нѣчто новое, противорѣчащее нашему *credo*, которое мы столько лѣтъ пережевывали сами и повторяли безъ устали другимъ, и притомъ такое, что грозитъ опровергнуть наше *credo*, — тутъ противъ него возстаютъ всѣ страсти и его стараются погубить всѣми средствами. Противъ него борются всячески: притворяются, что не слышатъ, не понимаютъ; о немъ отзываются съ презрѣніемъ, какъ будто его мнѣніе не стоитъ ни разсмотрѣнія, ни изученія; такимъ-то образомъ новой истинѣ приходится обождать, пока она проложитъ себѣ дорогу. Одинъ французъ сказалъ одному изъ моихъ друзей, по поводу моей теоріи цвѣтовъ: «Мы пятьдесятъ лѣтъ трудились, чтобъ основать и утвердить царство Ньютона; нужно еще пятьдесятъ лѣтъ, чтобъ его свергнуть».

«Цехъ математиковъ постарался сдѣлать мое имя столь презрѣннымъ въ ученomъ мѣрѣ, что его бояться даже произносить. Недавно мнѣ попала въ руки брошюра, гдѣ излагается теорія цвѣтовъ; авторъ, повидимому, проникся моимъ ученіемъ и все обосновалъ и привелъ къ тѣмъ же взглядамъ. Я прочелъ это сочиненіе съ великимъ удовольствіемъ и вдругъ не безъ удивленія замѣтилъ, что авторъ ни разу не назвалъ меня. Загадка разъяснилась послѣ. Пришелъ одинъ нашъ общій пріятель и сказалъ мнѣ, что авторъ, весьма талантливый молодой человѣкъ, хотѣлъ этимъ сочиненіемъ положить начало своей извѣстности и что онъ основательно боялся, что повредитъ себѣ въ ученomъ мѣрѣ, если осмѣлится, для подтвержденія своихъ взглядовъ, сослаться на

меня. Брошюркѣ посчастливилось, и этотъ остроумный молодой человѣкъ потомъ лично являлся ко мнѣ съ извиненіями.

— Этотъ случай, сказалъ я,—кажется мнѣ тѣмъ удивительнѣе, что въ другихъ вещахъ всегда гордятся вашимъ авторитетомъ и всякій считаетъ себя счастливымъ, находя могущественную поддержку въ вашемъ сочувствіи. Для вашей теоріи цвѣтовъ вся бѣда, кажется, въ томъ, что вы имѣете дѣло не только со славнымъ, всѣми признаннымъ Ньютономъ, но и съ разсѣянными по всему свѣту и преданными учениками этого учителя, которымъ имя—легіонъ. Если вамъ и суждено одержать побѣду, то еще долго вы останетесь одинокимъ съ вашей новой теоріей.

— Я къ этому привыкъ и не жду иного, возразилъ Гете.—Скажите сами, развѣ мнѣ нечѣмъ гордиться, когда я сознаю уже двадцать лѣтъ, что великій Ньютонъ и съ нимъ всѣ математики и всѣ удивительные счетчики глубоко ошибаются насчетъ теоріи цвѣтовъ, и что между миллионами людей я одинъ знаю истину этой великой тайны природы?

«Благодаря именно этому чувству превосходства, я и могъ выносить глупую надменность моихъ противниковъ. Противъ меня и моей теоріи враждовали всѣми способами, старались осмѣять мои идеи, а я тѣмъ не менѣе радовался, что дѣлалъ свое дѣло. Всѣ нападки моихъ противниковъ послужили только для того, чтобъ я могъ узнать слабости человѣчества».

Когда эти слова срывались съ устъ Гете, съ силой и стремительностью, которыхъ я не въ состояніи передать, его глаза горѣли необыкновеннымъ огнемъ. Въ нихъ видѣлось выраженіе торжества, а на его устахъ въ то же время играла ироническая

улыбка. Черты его прекраснаго лица были внушительныѣ, чѣмъ когда либо.

* Среда, 31-го декабря 1823.

Я обѣдалъ у Гете. Онъ мнѣ показывалъ рисунки, между прочимъ первыя работы Генриха Фюссли¹⁾. Мы говорили, кромѣ того, о религіи и злоупотребленіи именемъ Божіимъ. «Люди, сказалъ Гете, — поступаютъ относительно непостижнаго и неизъяснимаго существа рѣшительно такъ, какъ еслибъ Онъ былъ ихъ ровней. Иначе они не говорили бы: «Господи Боже! Великій Боже! и т. п.». Богъ для нихъ, особенно для патеровъ, у которыхъ онъ каждый день на устахъ, сталъ фразой, пустымъ именемъ. Будь они дѣйствительно проникнуты его величіемъ, они онѣмъли бы и почтеніе запрещало бы имъ произносить Его имя».

1824.

Пятница, 2-го января 1824.

Обѣдалъ у Гете. Веселый разговоръ. Рѣчь зашла о молодой красавицѣ изъ веймарскаго общества; кто-то замѣтилъ, что просто готовъ влюбиться въ нее, хотя ея умъ и нельзя назвать блестящимъ. «Ба! смѣясь сказалъ Гете, — будто любви есть дѣло до ума. Мы любимъ въ женщинѣ все, кромѣ ума; мы любимъ въ ней красоту, молодость; мы любимъ ея кокетство, ея довърчивость, характеръ, недостатки,

¹⁾ Швейцарскій художникъ.

капризы и Богъ знаетъ какія еще невыразимыя вещи любимъ мы въ ней; но мы не любимъ ея ума! Мы *уважаемъ* ея умъ, если онъ блестящъ, и молодая дѣвушка можетъ черезъ это безконечно выиграть въ нашихъ глазахъ. Умъ способенъ привязать насъ къ ней, если мы ее уже полюбили, но умъ не способенъ воспламенить насъ и возбудить страсть».

Послѣ обѣда мы остались вдвоемъ съ Гете. Мы говорили объ англійской литературѣ, о величїи Шекспира и о несчастномъ положенїи драматическихъ поэтовъ, явившихся въ Англіи *послѣ* этого гиганта. «Замѣчательный драматическій талантъ, сказалъ Гете,—не могъ бы не знать Шекспира, не могъ бы не изучать его. Но, изучая, онъ пришелъ бы къ убѣжденію, что Шекспиръ уже исчерпалъ всю человѣческую природу во всѣхъ направленїяхъ, во всей ея глубинѣ, во всемъ ея величїи, и не оставилъ для него, своего преемника, рѣшительно никакого дѣла. Откуда бы у него нашлась смѣлость просто взяться за перо, у него, чья душа сѣумѣла такъ хорошо понять неисчерпаемыя и недостижимыя красоты своего предшественника? Мнѣ, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ нашей дорогой Германїи, было лучше; мои предшественники меня не беспокоили; они не могли меня долго устрашать и останавливать. Поэтому я скоро оставилъ нѣмецкую литературу, пересталъ ее изучать и весь отдался жизни и творчеству. Такимъ образомъ я развивался мало-по-малу, вполне естественно и сдѣлался способенъ къ созданїямъ, которыя отъ времени до времени мнѣ и удавались. Оттого, на всѣхъ ступеняхъ моей жизни и моего развитїя, мое понятїе о совершенствѣ было не выше того, что я былъ въ состоянїи сдѣлать именно на этой ступени. Но, родись я англичани-

номъ и обрушья на меня въ тотъ моментъ, когда у молодого человѣка открываются глаза, со всею силою всѣ эти разнообразныя образцовыя произведенія,—они просто придавили бы меня, и я не зналъ бы что дѣлать. Я не могъ бы идти впередъ съ такою легкостью, съ такой свѣжестью и смѣлостью; мнѣ пришлось бы долго раздумывать и осматриваться, пока я нашелъ бы для себя какой нибудь выходъ».

Я снова навелъ разговоръ на Шекспира. «Если Шекспира, такъ сказать, выхватить изъ англійской литературы, сказалъ я,—и перенести его къ намъ, какъ одиночное явленіе, то его гигантское величіе кажется просто чудомъ. Если же мы перенесемъ его на его родную почву, въ атмосферу его вѣка; если изучимъ его современниковъ и его непосредственныхъ послѣдователей и вдохнемъ ту силу, которая вѣетъ въ твореніяхъ Бена Джонсона, Массингера, Марлоу, Бьюмонта и Флетчера, то и тогда Шекспиръ, конечно, останется все-таки страшно выдающейся величиной; но мы придемъ къ убѣжденію, что многія чудесныя свойства его духа въ извѣстной степени были достижимы и для другихъ, и что многое въ немъ зависѣло отъ могущественнаго и плодороднаго вѣянія его вѣка.

— Вы вполне правы, отвѣчалъ Гете.—Съ Шекспиромъ то же, что со швейцарскими горами. Перенесите Монбланъ въ большія долины и верестняки Люнебурга, и вы онѣмѣете отъ его величія. Но отправьтесь посмотрѣть на него въ его гигантскую родину, подойдите къ нему мимо его громадныхъ сосѣдей: Юнгфрау, Финстеръ-Ааргорна, Эйгера, Ваттергорна, Готгарда, Монроза; Монбланъ и тогда останется великаномъ, но онъ ужъ не по-

вергнетъ васъ въ такое изумленіе. Тотъ, кто не хочетъ вѣрить, что многое въ величіи Шекспира зависитъ отъ величія и мощи его вѣка, пусть спроситъ себя: возможно ли появленіе такого изумительнаго феномена теперь, въ Англіи 1824 года, въ наше отвратительное время все критикующихъ, все расточающихъ журналовъ?

«Невозмутимыя и невинныя творческія мечтанія во время ночныхъ скитаній, при которыхъ только и можетъ зародиться нѣчто великое, исчезли навсегда! Наши теперешніе таланты немедленно попадаютъ на поднось гласности. Критическія обзорѣнія, появляющіяся ежедневно въ пятидесяти мѣстахъ, и шумъ, который они возбуждаютъ въ публикѣ, не дадутъ взойти ничему здоровому. Тотъ, кто нынѣ не удаляется вполнѣ отъ этого шума и насильственно не уединяетъ себя,—погибшій человѣкъ. Правда, этотъ плохой, почти всегда отрицательный, разводящій критику и эстетику журнализмъ распространяетъ родъ полуобразованности въ массахъ, но для таланта онъ вредный туманъ, падающій сверху ядъ, разрушающій творческую силу его древа отъ зеленѣющей красоты листвы до глубины сердцевины и самыхъ сокровенныхъ фибръ.

«И затѣмъ, какъ вяла и слаба стала самая жизнь въ эти два оголѣлыя столѣтія! Гдѣ теперь найдешь открытую оригинальную натуру? У кого хватитъ силы быть правдивымъ и казаться тѣмъ, что онъ есть? А все это дѣйствуетъ на поэта; теперь онъ долженъ все отыскивать въ самомъ себѣ, потому что ничего уже не найдетъ вокругъ себя».

Затѣмъ разговоръ обратился къ *Вертеру*. «Вотъ существо, сказалъ Гете,—которое я, какъ пеликанъ, вскормилъ кровью своего собственнаго сердца. Въ

немъ столько моихъ собственныхъ сердечныхъ волненій, столько чувствъ и мыслей, что ихъ хватило бы на романъ не въ одной, а въ десяти книжкахъ. Я только разъ перечелъ эту книгу со времени ея появленія, и остерегался перечитывать снова. Это зажигательная ракета. Я почувствовалъ себя весьма дурно послѣ этого чтенія и боюсь снова впасть въ то болѣзненное состояніе, которое его породило.

Я напомнилъ ему о его разговорѣ съ Наполеономъ, о которомъ я зналъ по наброску, находящемуся въ его бумагахъ, и который я нѣсколько разъ просилъ его окончить. «Наполеонъ, сказалъ я,—указалъ вамъ въ *Вертеръ* на одно мѣсто, которое не выдерживаетъ строгой критики, и вы согласились съ нимъ. Мнѣ очень бы хотѣлось знать, что это за мѣсто». — «Отгадайте! съ таинственной улыбкой отвѣчалъ Гете». — «Я полагаю, сказалъ я,—что это то мѣсто, гдѣ Лотта посылаетъ Вертеру пистолеты, ни слова не сказавъ Альберту, не сообщивъ ему своихъ предчувствій и опасеній. Вы сдѣлали все, чтобъ мотивировать это молчаніе; но ни одинъ мотивъ не достаточенъ передъ лицомъ настоящей необходимости спасти жизнь ея друга». — «Ваше замѣчаніе не вполне несправедливо. Но я предпочитаю умолчать, объ этомъ ли мѣстѣ, или о другомъ говорилъ мнѣ Наполеонъ. Но, повторяю, ваше замѣчаніе столь же справедливо, какъ и его»¹⁾).

Я вспомнилъ о мнѣніи, которое утверждаетъ, что огромное впечатлѣніе, произведенное *Вертеромъ*, зависѣло отъ момента появленія его въ свѣтъ. «Я не могу принять этого распространеннаго мнѣнія, сказалъ я. — *Вертеръ* самимъ своимъ появленіемъ сдѣ-

¹⁾ См. ниже *дополненіе* къ рассказанному случаю.

лалъ эпоху, а вовсе не потому, что онъ явился въ извѣстное время. Во всякое время есть столько невыраженныхъ страданій, столько тайныхъ недомольствъ и усталости отъ жизни, и у всякаго человѣка въ этомъ мірѣ есть столько недоразумѣній въ отношеніи къ другимъ, столько столкновений его природы съ соціальною организаціей, что *Вертеръ* сдѣлалъ бы эпоху и сейчасъ, еслибъ онъ явился сегодня».

— Вы вполне правы, сказалъ Гете,—вотъ почему эта книга въ извѣстномъ періодѣ молодости оказываетъ и теперь то же дѣйствіе, какъ и тогда. Я, по личному опыту, зналъ въ молодости эти волненія, и они не были въ зависимости ни отъ общаго вѣянія моего времени, ни отъ чтенія нѣкоторыхъ англійскихъ писателей. Меня заставили писать, меня привели въ то состояніе духа, изъ котораго родился *Вертеръ*, скорѣе нѣкоторыя отношенія, нѣкоторыя мученія совершенно личнаго свойства, и отъ которыхъ я во что бы то ни стало хотѣлъ избавиться. Я жилъ, я любилъ и много страдалъ. Вотъ что было. Много было говорено объ эпохѣ *Вертера*; но то не опредѣленная историческая эпоха, а эпоха въ жизни каждой личности. Мы всѣ родились съ чувствомъ естественной свободы и, попавъ въ состарѣвшійся міръ, должны приспособиться къ его узкимъ клѣткамъ. Помѣха въ счастіи, въ дѣятельности, неудовлетворенныя желанія,—все это не болѣзни какого либо спеціальнаго времени, но всякаго человѣка. И горе тому, у кого въ жизни не было ни мгновенія, когда ему казалось, что *Вертеръ* написанъ для него одного».

Добавленіе. Французскій переводчикъ «Разговоровъ», г. Делеро, сдѣлалъ къ разсказу о разговорѣ

Гете съ Наполеономъ слѣдующее примѣчаніе, которое мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь цѣликомъ:

«Г. фонъ-Мюллеръ, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, разъясняетъ этотъ пунктъ. Наполеонъ упрекалъ Гете за то, что онъ выставилъ причиной самоубійства Вертера не одну его несчастную страсть къ Шарлотѣ, но также страданія оскорбленнаго честолюбія. Этимъ, сказалъ Наполеонъ,—ослабляется сдѣланное читателемъ представленіе объ огромной любви Вертера къ Шарлотѣ.

«Полагаю, что разсказъ самого Гете объ этомъ разговорѣ 1808 года будетъ прочтенъ съ удовольствіемъ. То простыя замѣтки въ дневникѣ. Гете никогда не соглашался развить ихъ подробно.

«Государи собрались въ Эрфуртѣ 29-го сентября; веймарскій герцогъ приказалъ туда явиться Гете. Онъ присутствовалъ при представленіяхъ, данныхъ труппой французской комедіи 2-го октября; безъ сомнѣнія, по настоянію Марэ, онъ былъ приглашенъ къ императору. Въ одиннадцать часовъ онъ отправился во дворецъ. Вотъ его разсказъ:

«Толстый камергеръ, полякъ, сказалъ мнѣ, чтобъ я обождалъ.—Толпа удалилась. Я былъ представленъ Савари и Талейрану. Затѣмъ меня позвали въ кабинетъ императора. Въ тотъ же мигъ доложили о Дарю, который былъ немедленно принятъ. Я помедлилъ входомъ и былъ приглашенъ вторично. Императоръ сидѣлъ за круглымъ столомъ и завтракалъ; направо, нѣсколько поодаль стола, стоялъ Талейранъ; направо, ближе къ нему, Дарю, съ которымъ онъ говорилъ о военныхъ контрибуціяхъ. Императоръ сдѣлалъ знакъ, чтобъ я подошелъ. Я сталъ передъ нимъ въ должномъ разстояніи. Онъ

внимательно посмотрѣлъ на меня и затѣмъ сказалъ: «Вы человѣкъ въполнѣ». Я поклонился. Онъ спросилъ: «Сколько вамъ лѣтъ?»—Шестидесятъ.—Вы прекрасно сохранились... Вы писали трагедіи?—Я отвѣчалъ самымъ краткимъ образомъ.—Тогда заговорилъ Дарю. Чтобъ польстить нѣмцамъ, которымъ ему пришлось сдѣлать столько зла, онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя познанія въ нѣмецкой литературѣ; онъ, впрочемъ, былъ знакомъ съ латинской словесностью и издалъ Горация; онъ говорилъ обо мнѣ почти такъ же, какъ отзываются благосклонныя ко мнѣ берлинскія особы; по крайности я узналъ ихъ воззрѣнія и манеру говорить. Онъ добавилъ, что я переводилъ съ французскаго, и между прочимъ *Магомета* Вольтера. Императоръ сказалъ: «Это неважная пьеса». Онъ съ большими подробностями изложилъ неудобства, проистекающія изъ того, что этотъ побѣдитель рисуетъ самъ свой въполнѣ неблагоприятный портретъ. Затѣмъ онъ перешелъ къ *Вертеру*, котораго, по его словамъ, онъ изучилъ въполнѣ. Послѣ нѣсколькихъ совершенно справедливыхъ замѣчаній, онъ указалъ мнѣ на одно мѣсто и сказалъ: «Зачѣмъ вы это сдѣлали? Это не согласуется съ природой». И онъ сталъ поддерживать свое мнѣніе при помощи совершенно справедливыхъ, долгихъ разсужденій. Я слушалъ его, сохраняя ясное выраженіе лица, и отвѣчалъ съ веселой улыбкой: «Кажется, мнѣ никто еще не дѣлалъ этого замѣчанія, но я нахожу его въполнѣ справедливымъ, и признаюсь, что въ указанномъ мѣстѣ недостаетъ правды. Но, прибавилъ я,—быть можетъ слѣдуетъ простить поэту употребленіе труднозамѣчаемой уловки, когда онъ при ея помощи производитъ впечатлѣніе, ко-

того не могъ бы достигнуть, слѣдую простому и естественному пути».

«Императоръ, казалось, остался доволенъ этимъ отвѣтомъ; онъ возвратился къ драмѣ и сдѣлалъ весьма замѣчательныя указанія, какъ человѣкъ, съ великимъ вниманіемъ слѣдившій за трагической сценой и на манеръ слѣдственнаго судьи. Онъ живо чувствовалъ, насколько французскій театръ далекъ отъ натуры и правды. Онъ отзывался также съ неодобреніемъ о пьесахъ, въ которыхъ рокъ играетъ большую роль. Онъ сказалъ, что они принадлежатъ къ непросвѣщенному времени. «Въ наши дни, сказалъ онъ,—что такое значить рокъ? Политика—вотъ въ чемъ рокъ».

«Затѣмъ онъ повернулся къ Дарю и заговорилъ съ нимъ о важномъ дѣлѣ контрибуцій. Я отступилъ на нѣсколько шаговъ и сталъ близъ кабинета, въ которомъ въ теченіе тридцатилѣтъ я провелъ столько то пріятныхъ, то скучныхъ часовъ... Императоръ всталъ, подошелъ ко мнѣ и при помощи нѣкотораго маневра, отдѣлилъ меня отъ другихъ, среди которыхъ я стоялъ; поверотаясь къ нимъ спиной, онъ заговорилъ со мной въ полголоса, спрашивая, былъ ли я женатъ, есть ли у меня дѣти, и предлагая мнѣ всѣ обычные вопросы насчетъ моего личнаго положенія. Онъ спрашивалъ меня также о моихъ отношеніяхъ къ герцогскому семейству, къ герцогинѣ Амаліи, герцогу, герцогинѣ и т. д.—Я отвѣчалъ самымъ простымъ образомъ. Онъ, казалось, былъ доволенъ отвѣтами, которые переводилъ на свой языкъ, придавая имъ большую точность, чѣмъ я могъ имъ придать. Въ видѣ общаго замѣчанія, скажу, что во время всего разговора я удивлялся разнообразію его одобрительныхъ отзывовъ; рѣдко,

слушая, онъ оставался неподвиженъ; онъ утвердительно кивалъ головой или говорилъ «oui», или «c'est bien» и другія тому подобныя фразы. Не слѣдуетъ также умолчать, что, выражая какое-либо мнѣніе, онъ почти постоянно прибавлялъ: «Qu'en dit monsieur Goet?..»

«Затѣмъ я знакомъ спросилъ камергера: могу ли удалиться. Тотъ знакомъ же отвѣчалъ мнѣ, что «да», и я вышелъ изъ залы».

По Мюллеру, Наполеонъ, говоря о трагедіи, прибавилъ слѣдующее: «Трагедія должна быть школой государей и народовъ; вотъ самая высокая цѣль, которую можетъ предложить себѣ поэтъ. Вы, напри-
мѣръ, должны бы написать «Смерть Цезаря» достойнымъ такого сюжета образомъ, болѣе грандіознымъ, чѣмъ Вольтеръ. Это могло бы быть лучшимъ дѣломъ вашей жизни. Слѣдовало бы показать міру, какимъ счастьемъ одарилъ бы его Цезарь, какъ все бы получило иной образъ, еслибъ ему было дано время для исполненія его возвышенныхъ плановъ. Пріѣзжайте въ Парижъ, я непремѣнно требую этого отъ васъ. Тамъ зрѣлище міра больше, тамъ вы въ изобиліи найдете сюжеты для поэзіи».

«Когда Гете удалился, то слышали, какъ Наполеонъ тономъ размышленія сказалъ: «Вотъ это — человѣкъ!» Гете, въ силу своего характера, не легко сообщалъ другимъ все, что близко касалось до него, и онъ хранилъ глубокое молчаніе насчетъ этого свиданія; быть можетъ, онъ поступалъ такъ изъ деликатности и скромности. Онъ уклонялся отъ отвѣтовъ на вопросы великаго герцога. Но было замѣтно, что слова Наполеона произвели на него глубокое впечатлѣніе. Особенно долго и живо занимало его предложеніе пріѣхать въ Парижъ. Онъ нѣсколько разъ спраши-

валъ меня, что будетъ ему стоить устроиться въ Парижѣ, какъ онъ хочетъ, и, безъ сомнѣнія, мысль о стѣсненіяхъ и лишеніяхъ, которыя его тамъ ожидали, заставила его отказаться отъ предложенія. Только незадолго до его смерти я уговорилъ его написать тотъ лаконическій рассказъ о свиданіи, который онъ оставилъ» (Мюллеръ).

«На балу, данномъ въ Веймарѣ 6-го октября, Наполеонъ еще разъ говорилъ съ Гете, и, толкуя все о трагедіи, ставилъ ее выше исторіи. По Тьеру, по поводу драмъ, написанныхъ въ подражаніе Шекспиру, «гдѣ смѣшиваются трагедія и комедія, ужасное и шутовское», Наполеонъ сказалъ Гете: «Я удивляюсь, что человѣкъ съ такимъ большимъ, какъ вы, умомъ не любитъ опредѣленныхъ родовъ (поэзіи)».

Воскресенье, 4-го января 1824.

Сегодня, послѣ обѣда, Гете перелистывалъ со мною рисунки Рафаэля. Онъ весьма часто занимается Рафаэлемъ, дабы быть въ постоянномъ общеніи съ совершенствомъ и непрерывно упражняться въ размышленіи объ идеяхъ великаго человѣка. Для него большое удовольствіе вводитъ и меня въ эту сферу.

Затѣмъ мы говорили о *Диванн* и особенно о *Книгѣ негодовація* (Buch des Unmuths). Въ ней Гете излилъ все, что у него скопилось на сердцѣ противъ враговъ. «Я сохранялъ еще большую умѣренность, сказалъ онъ;—еслибы я хотѣлъ высказать все, что меня мучало и подвигало къ творчеству, то эти нѣсколько страницъ разрослись бы въ томъ. Въ сущности, мной никогда не были довольны и всегда желали, чтобъ я былъ не такимъ, какъ Богу угодно было создать меня. Равно, рѣдко оставались довольны тѣмъ, что я печаталъ. Когда я работалъ въ продолженіе цѣлыхъ

годовъ всѣми силами души, чтобъ понравиться людямъ новымъ сочиненіемъ, они желали, чтобъ я чувствовалъ великую благодарность за то, что они соизволяютъ признать его сноснымъ. Когда меня хвалили, то я не смѣлъ принимать эти хвалы съ чувствомъ спокойнаго удовлетворенія, какъ должную мнѣ дань,—нѣтъ, отъ меня ожидали какой-нибудь скромной уклончивой фразы, которою я униженно бы признавалъ полную негодность и моей личности, и моего сочиненія. Это было противно моей природѣ, и я былъ бы презрѣннымъ негодяемъ, еслибъ прибѣгалъ къ такому лицемѣрію и лжи. Зато у меня было достаточно силы, чтобъ со всею правдою являться такимъ, какимъ я себя чувствую; я прослылъ гордецомъ и доселѣ слышу за такового. Въ религіи, въ политикѣ, въ наукахъ,—меня повсюду преслѣдовали за то, что я не былъ лицемѣромъ и имѣлъ смѣлость говорить то, что думалъ.—Я вѣрилъ въ Бога и природу, въ побѣду благороднаго надъ низкимъ, но этого было мало для благочестивыхъ душъ: я долженъ былъ еще вѣрить, что три равны единицѣ и единица тремъ; это противорѣчило чувству правды въ моей душѣ, и притомъ я вовсе не видѣлъ, къ чему бы это послужило.

«Меня порицали также за то, что я видѣлъ, что теорія свѣта Ньютона была заблужденіемъ,—за то, что я имѣлъ смѣлость противорѣчить общему *credo*. Я видѣлъ свѣтъ во всей его чистотѣ, во всей его правдѣ; мой долгъ былъ бороться за это. Мои противники желали самымъ серьезнымъ образомъ помрачить свѣтъ, потому что утверждали будто: *тнь составляетъ часть свѣта*. Въ томъ видѣ, какъ я это излагаю, оно звучитъ абсурдомъ; однако оно таково, какъ я говорю. Ибо, что они утверждаютъ? Они

говорять: *цвѣта* (а цвѣта, конечно, тѣнь) *суть самъ свѣтъ*, или — что одно и то же — *цвѣта суть лучи свѣта, преломленные то такимъ, то инымъ образомъ*.

Гете замолчалъ на мигъ; ироническая улыбка пробѣжала по его прекрасному лицу; потомъ онъ продолжалъ:

«А въ политикѣ! И сказать нельзя, сколько мнѣ тутъ пришлось вытерпѣть и вынести! Знаете ли мою драму *Мятежники*?» — «Вчера, отвѣчалъ я, — я въ первый разъ прочелъ эту пьесу, по случаю новаго изданія вашихъ сочиненій, и я сердечно сожалѣлъ, что она осталась неоконченной. Но и въ томъ видѣ, какъ она теперь, всякій справедливый человѣкъ увидитъ по ней образъ вашихъ мыслей.

— Я написалъ ее во время французской революціи, и на нее можно въ извѣстной мѣрѣ смотрѣть, какъ на мое политическое *profession de foi* того времени. Я изобразилъ графиню представительницей дворянства, и слова, вложенныя мною въ ея уста, указываютъ, какъ долженъ думать дворянинъ. Графиня возвращается изъ Парижа; она была свидѣтельницей событій, предшествовавшихъ революціи, и она вынесла изъ нихъ недурной урокъ для себя. Она убѣдилась, что угнетать народъ можно, но что нельзя его раздавить, и что революціонное возстаніе низшихъ классовъ есть слѣдствіе несправедливости знатныхъ. «Отнынѣ, говоритъ она, — я стану тщательно избѣгать всякаго несправедливаго дѣйствія и стану громко въ свѣтѣ и при дворѣ высказывать свое мнѣніе о несправедливости другихъ. Я не стану молчать ни о какой несправедливости, хотя бы меня безславили, называя демократкой». Я полагалъ, что такой образъ мыслей вполне достоинъ почтенія. Онъ былъ моимъ тогда и остался доселѣ. Что-жъ! въ награду

за то, меня наградили всякаго рода прозвищами, которыхъ я не хочу повторять.

— Достаточно прочесть *Эмонта*, сказалъ я, — чтобъ знать образъ вашихъ мыслей. Я не знаю нѣмецкой драмы, гдѣ бы свобода народа защищалась сильнѣе, чѣмъ въ ней.

— Людямъ нравится видѣть меня не такимъ, каковъ я есмь, и отъ того, что могло бы явить меня въ настоящемъ свѣтѣ, отворачиваютъ глаза. Напротивъ, Шиллеру, который, между нами, былъ больше аристократомъ, чѣмъ я, но который гораздо больше моего думалъ о томъ, что онъ говоритъ, Шиллеру посчастливилось прослыть особеннымъ другомъ народа. Я отъ всего сердца признаю за нимъ этотъ титулъ и утѣшаюсь мыслью, что многихъ постигла та же судьба, что и меня. Да, правда, я не могъ быть другомъ французской революціи, потому что я слишкомъ прикоснулся къ ея ужасамъ, которые ежедневно, ежечасно возмущали меня, между тѣмъ какъ еще нельзя было предвидѣть ея благодѣтельныхъ послѣдствій. Я не могъ равнодушно видѣть, какъ въ Германіи затѣяли *искусственно* воспроизвести тѣ сцены, которыя во Франціи были послѣдствіемъ великой необходимости. Но также не былъ я другомъ правительственнаго произвола. Я былъ также вполне убѣжденъ, что во всякой большой революціи виновенъ не народъ, а правительство. Революціи стануть вполне невозможны, какъ скоро правительства будутъ правосудны и постоянно бдительны, дабы предупреждать революціи благовременными реформами; какъ скоро не будутъ до того упорны, что улучшенія потребуютъ снизу. Но, потому, что я не навизу революціи, меня называли другомъ существующаго порядка. Отъ этого дву-

смысленнаго прозвища могли бы меня и избавить. Будь все существующее достодолично, прекрасно и справедливо, я ничего не имѣлъ бы противъ. Но подлѣ многихъ хорошихъ вещей существуетъ много дурныхъ, несправедливыхъ, несовершенныхъ, а потому другъ существующаго порядка часто бываетъ другомъ устарѣвшаго и дурного. Время, однако, постоянно идетъ впередъ; человѣческія дѣла измѣняютъ свой видъ каждыя пятьдесятъ лѣтъ, и тотъ распорядокъ, который былъ совершенствомъ въ 1800 г., быть можетъ, станетъ недостаточнымъ въ 1850 г.—Но для всего народа хорошо только то, что порождается его собственной сущностью, что отвѣчаетъ его собственнымъ нуждамъ, а не является обезьянствомъ другихъ народовъ. То, что для одного народа, въ извѣстномъ возрастѣ, является благодѣтельнымъ питательнымъ средствомъ, можетъ быть для другого окажется ядомъ. Всѣ опыты введенія чужеземныхъ новшествъ—глупость, если потребность въ перемѣнѣ не коренится въ глубинахъ самого народа, и всѣ предумышленные такого рода революціи остаются безъ результатовъ, потому что совершаются безъ Бога; Онъ ничѣмъ не участвуетъ въ такомъ зломъ дѣлѣ. Если же въ народѣ есть дѣйствительная потребность великой реформы, то и Богъ бываетъ съ нею, и она преуспѣваетъ. Онъ явственно былъ съ Христомъ и Его первыми учениками, ибо появленія новаго ученія любви было необходимо для народовъ; онъ также явственно былъ съ Лютеромъ, ибо было не менѣе необходимо очистить это ученіе, обезображенное духовенствомъ¹⁾. Эти двѣ великія, только что названныя силы не были друзьями существую-

¹⁾ Разумѣется, католическимъ.

щаго порядка; скорѣе, ихъ твердое убѣжденіе заключалось въ томъ, что слѣдуетъ очистить старую закваску и что нельзя долѣе ходить во лжи, неправдѣ и несовершенствѣ.

Вторникъ, 27 января 1824.

Гете говорилъ со мною о продолженіи своей біографіи, обработкой которой онъ теперь занимается. Онъ пришелъ къ заключенію, что эта позднѣйшая эпоха его жизни не можетъ быть изложена съ такими же подробностями, какъ его юность въ *Правдѣ* и *Поэзій*.

«Я принужденъ, сказалъ Гете, — изложить эти послѣдніе годы болѣе лѣтописнымъ образомъ; потому что тутъ обнаружится болѣе моя дѣятельность, чѣмъ жизнь. Впрочемъ, самая занимательная эпоха каждаго человѣка — время его развитія, а для меня она заканчивается съ написанными уже томами *Правды* и *Поэзій*. Затѣмъ начинается столкновеніе со свѣтомъ, а оно интересно по столько, по сколько изъ него что-либо вышло.

«Притомъ, что такое жизнь нѣмецкаго ученаго? Что со мною было хорошаго, то не подлежитъ разсказу, а о томъ, что можно разсказать, не стоитъ говорить. И гдѣ же слушатели, которымъ можно бы разсказывать это съ нѣкоторымъ удовольствіемъ? Когда я оглядываюсь на раннее и среднее время моей жизни и подумаю теперь, на старости, какъ мало осталось изъ тѣхъ, кто былъ молодъ со мною, то мнѣ всегда приходитъ въ голову лѣто на водахъ. Приѣхавъ, заводишь знакомства и дружескія отношенія съ тѣми, которые были тамъ уже раньше и собираются уже уѣзжать. Разлука горька. Тогда привязываешься ко второму поколѣнію, съ которымъ и

проживешь подольше и сойдешься ближе. Но и оно уходит и оставляет тебя одинокимъ съ третьимъ, которое является передъ самымъ твоимъ отъѣздомъ и съ которымъ тебѣ нечего и дѣлать. Меня всегда считали за особеннаго счастливца, и я не стану жаловаться и хулить теченіе моей жизни. Однако, въ сущности, она была только трудъ и работа, и я могу сказать прямо, что врядъ ли за свои семьдесятъ пять лѣтъ я провелъ четыре недѣли въ свое удовольствіе. Моя жизнь была вѣчнымъ скатываніемъ камня, который требовалось подымать снова. Изъ моихъ анналовъ станетъ ясно, что я хотѣлъ сказать этимъ. Къ моей дѣятельности, какъ внутренней, такъ и внѣшней, предъявлялись слишкомъ большія требованія. Мое настоящее счастье составляли поэтическія думы и творенія. Но какъ часто мое внѣшнее положеніе имъ мѣшало, препятствовало или ограничивало ихъ! Еслибъ я могъ больше воздерживаться отъ общественной и дѣловой дѣятельности и занятій, еслибъ я могъ больше жить въ уединеніи, то я былъ бы счастливѣе и пошелъ бы дальше, какъ поэтъ. Но вскорѣ послѣ *Гецца* и *Вертера* надо мной оправдались слова мудреца, который сказалъ: «Если ты чѣмъ нибудь понравился свѣту, то онъ позаботится, чтобъ это въ другой разъ не повторилось». Широкая извѣстность, высокое положеніе въ жизни — вещи прекрасныя. Но со всѣмъ моимъ именемъ и положеніемъ я дошелъ только до того, что долженъ, изъ боязни оскорбить другихъ, молчать объ ихъ мнѣніяхъ. Это на дѣлѣ оказалось бы очень плохой шуткой, еслибъ при этомъ на моей сторонѣ не оказалось того преимущества, что я узнаю чужія мысли, а другіе не знаютъ моихъ».

Воскресенье, 15-го февраля 1824.

Сегодня передъ обѣдомъ Тете пригласилъ меня проѣхаться. При моемъ входѣ, онъ сидѣлъ за завтракомъ; онъ, казалось, былъ въ очень веселомъ настроеніи.

«У меня былъ сейчасъ пріятный гость, весело встрѣтилъ онъ меня;—молодой человѣкъ, подающій большія надежды, Мейеръ изъ Вестфалии¹⁾. Онъ написалъ стихотворенія, которыя заставляютъ ждать многого. Ему всего восемнадцать лѣтъ, а онъ уже ушелъ далеко. Я радуюсь, смѣясь прибавилъ Тете,—что мнѣ теперь не восемнадцать лѣтъ. Когда мнѣ было восемнадцать и Германіи минуло всего восемнадцать,—и можно было кое-что сдѣлать; теперь же требованія возросли неувѣроятно и уже всѣ дороги проторены. Германія сама во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ такъ высоко, что мы едва можемъ охватить все взглядомъ; теперь намъ приходится быть и греками, и латинами, да, вдобавокъ, и англичанами, и французами. Сверхъ всего, по чистому сумашествію, указываютъ еще на востокъ и молодому человѣку приходится просто впасть въ конфузъ. Я въ утѣшеніе ему показалъ мою колоссальную Юнону²⁾, какъ символъ того, что онъ долженъ пребывать съ греками и тамъ обрѣсти успокоеніе. Отличный молодой человѣкъ! Если онъ только убережетъ себя отъ разбросанности, то изъ него чтонибудь выйдетъ. Но все же, какъ сказано, я благо-

¹⁾ Умеръ въ молодости; извѣстенъ его романъ: *Эдуардъ въ Римѣ*.

²⁾ Тете привезъ изъ Италіи отличный, колоссальной величины, сдѣлокъ съ такъ называемаго *Juno Ludovisi*.

дарю небо, что самъ не молодъ теперъ въ такое время, когда все уже передѣлано. Я не могъ бы здѣсь остаться. Да вздумай я даже бѣжать въ Америку, то и туда явился бы слишкомъ поздно, и тамъ уже полный день».

Воскресенье, 22-го февраля 1824.

Обѣдалъ съ Гете и его сыномъ; послѣдній разсказывалъ намъ много веселыхъ исторій изъ своей студенческой жизни, особенно за время своего пребыванія въ Гейдельбергѣ. Онъ въ праздники не разъ отправлялся съ друзьями на Рейнъ; ему особенно памятенъ одинъ трактирщикъ, у котораго онъ ночевалъ съ десятию товарищами; онъ даромъ поставилъ имъ вина изъ удовольствія хоть разохъ побывать на студенческой пирушкѣ.

Послѣ обѣда Гете показывалъ намъ рисунки красками итальянскихъ видовъ, особенно изъ сѣверной Италіи съ горами пограничной Швейцаріи и Лаго-Маджіоре. Барромейскіе острова отражались въ зеркальной водѣ, у берега виднѣлась лодка и невода, — причеиъ Гете замѣтилъ, что это озеро изъ его *Wanderjahren*. Къ сѣверу, по направленію къ Манрозу, темно-голубыми массами стояли прибрежныя горы какими онѣ кажутся вскорѣ послѣ заката.

Я замѣтилъ, что во мнѣ, какъ уроженцѣ равнины, эти мрачныя возвышенности возбуждаютъ непріятное чувство, и что я не чувствую ни малѣйшей охоты странствовать въ этихъ ущельяхъ.

«Это чувство въ порядкѣ вещей, сказали Гете. — Въ сущности человѣку хорошо въ томъ состояніи, гдѣ и для чего онъ родился. Кого высокія цѣли не тянутъ на чужбину, тотъ гораздо счастливѣе проживетъ дома. Швейцарія сначала сдѣлала на меня

такое сильное впечатлѣніе, что я чувствовалъ себя смущеннымъ и обезпокоеннымъ; только при послѣдующихъ поѣздкахъ, только въ послѣдніе года, когда я сталъ смотрѣть на горы чисто въ минералогическомъ отношеніи, я чувствовалъ себя спокойно въ сосѣдствѣ съ ними».

Затѣмъ мы разсматривали большое собраніе гравюръ на мѣди новыхъ живописцевъ французской школы. Изобрѣтеніе въ этихъ картинахъ почти сплошь слабо. Попался одинъ недурной пейзажъ въ Пуссеновскомъ родѣ, причемъ Гете замѣтилъ: «Эти художники схватили общую манеру Пуссеновскихъ ландшафтовъ и работаютъ при ея помощи. Ихъ картины нельзя назвать ни дурными, ни хорошими. Онѣ недурны, потому что въ нихъ всюду проглядываетъ хорошій образецъ; но ихъ нельзя назвать хорошими, потому что въ художникахъ не имѣется великой личности Пуссена. То же и между поэтами; напримѣръ, есть такіе, которые усваиваютъ себѣ всѣ недостатки Шекспировской манеры».

Въ заключеніе мы разсматривали модель статуи Гете, работы Рауха, предназначаемой для Франкфурта.

Вторникъ, 24-го февраля 1824.

Сегодня въ часъ у Гете. Онъ показалъ мнѣ статью, которую продиктовалъ для первой тетради пятого тома *Искусство и Древность*. Къ моей рецензій о нѣмецкой *Паріи* онъ сдѣлалъ прибавленіе о французской трагедіи и о своей собственной лирической трилогіи ¹⁾.

«Вы прекрасно сдѣлали, сказалъ Гете,—что, по

---

¹⁾ Статья называлась: «Три паріи» (поэма Гете, трагедіи М. Беера и Казиміра Делавиня).

случаю вашей рецензіи, уяснили себѣ состояніе Индіи; обыкновенно, изо всего, что мы изучаемъ, въ концѣ концовъ мы помнимъ только то, что находитъ себѣ практическое примѣненіе».

Я подтвердилъ его слова собственнымъ опытомъ, сказавъ, что именно сохранилось въ моей головѣ отъ университетскихъ лекцій.

«Вообще, сказалъ Гете, — въ университетахъ учатъ черезчуръ многому и притомъ вполнѣ бесполезному. Отдѣльные профессора читаютъ свои предметы слишкомъ обширно, гораздо обширнѣе чѣмъ требуется студентамъ. Прежде химію и ботанику преподавали, какъ пособіе для медицины, и медикамъ этого было достаточно. Теперь химія и ботаника стали самостоятельными необозримыми науками и каждой изъ нихъ надо посвятить цѣлую жизнь, а ихъ требуютъ отъ медиковъ! Изъ этого, однако, ничего не можетъ выйти; одинъ предметъ бросается и забывается для другого. Умный отстраняетъ отъ себя всѣ эти мѣшающія сосредоточиться требованія, ограничивается однимъ предметомъ и становится въ немъ мастеромъ».

Затѣмъ Гете показалъ мнѣ небольшую написанную имъ статью о Байроновомъ *Каинѣ*; я прочелъ ее съ большимъ интересомъ. «Видно, сказалъ онъ, — какъ недостаточность общепринятаго толкованія подвигнула такой свободный духъ, какъ Байрона, къ творчеству и какъ онъ этой пьесой хотѣлъ освободиться отъ внушеннаго ему ученія. Конечно, англійское духовенство не поблагодаритъ его за это; но для меня будетъ удивительно, если онъ не станетъ продолжать обработку ближайшихъ библейскихъ событій и упуститъ такой сюжетъ, какъ гибель Содомы и Гоморры».

Послѣ этихъ литературныхъ замѣчаній, Гете обратилъ мое вниманіе на античный вырѣзанный камень, о которомъ онъ съ восторгомъ говорилъ наканунѣ. Я восхитился наивнымъ изображеніемъ сюжета. Былъ изображенъ мужчина, снявшій съ плеча тяжелый сосудъ, чтобъ дать напитокъ ребенку. Но ребенку еще неудобно, сосудъ еще далеко ото рта, жидкость еще не льется; онъ кладетъ обѣ ручки на сосудъ, и взглядываетъ вверхъ на мужчину, какъ бы прося наклонить еще.

«Ну, какъ вамъ это нравится? сказалъ Гете. — Мы, новые, прекрасно чувствуемъ великую прелесть такого чисто естественнаго, чисто наивнаго мотива; мы прекрасно знаемъ и понимаемъ, какъ это сдѣлать; только мы не дѣлаемъ: разсудокъ царитъ, и намъ недостаетъ этой восхитительной граціи».

Затѣмъ мы стали разсматривать медаль берлинскаго гравера Брауна¹⁾; она изображаетъ юнаго Тезея, который нашелъ подъ камнемъ оружіе своего отца. Въ положеніи фигуры многое достойно хвалы, но напряженіе членовъ не соотвѣтствуетъ тяжести камня. Намъ показалось также мало обдуманнѣмъ то обстоятельство, что юноша въ одной рукѣ уже держитъ оружіе, а другою еще подымаетъ камень; ибо ему естественно было сперва отбросить тяжелый камень въ сторону и затѣмъ уже взяться за оружіе. «Вотъ я покажу вамъ, сказалъ Гете, — античную гемму, гдѣ тотъ же сюжетъ изображенъ древнимъ художникомъ».

Онъ приказалъ Штадельманну принести ящикъ,

---

¹⁾ Родился въ 1789 г.; учился въ Парижѣ у Дроза; за Тезея получилъ большую премію. Умеръ въ 1845 г. главнымъ граверомъ берлинскаго монетнаго двора.

гдѣ хранилось нѣсколько сотенъ снимковъ съ античныхъ геммъ, которые онъ привезъ изъ Рима. Тогда я увидѣлъ, какъ древній грекъ изобразилъ тотъ же сюжетъ, и какая разница! Юноша со всей силой уперся въ камень: у него довольно силы, чтобъ поднять такую тяжесть; онъ уже справляется, и камень поднять уже настолько, что его можно будетъ скоро отбросить въ сторону. Вся тѣлесная сила юнаго героя напряжена противъ тяжести и только глаза устремилъ онъ внизъ, на лежащее подъ камнемъ оружіе. Мы восхищались великой естественностью такой обработки сюжета.

«Мейеръ постоянно твердить: *еслибъ думать да не было такъ трудно!*» сказалъ Гете.—Но хуже всего, что думанье не выдумаетъ мысли; надо родиться настоящимъ художникомъ, и тогда счастливыя мысли явятся намъ сами собою, какъ Божьи дѣти, и вскрикнуть: вотъ гдѣ мы!»

Среда, 25-го февраля 1824.

Гете показалъ мнѣ сегодня два въ высшей степени замѣчательныя стихотворенія; по направленію оба въ высшей степени нравственны, но отдѣльные мотивы въ нихъ естественны и правдивы безо всякаго удержу,—что въ свѣтѣ признается за безнравственность; потому-то Гете держитъ ихъ въ тайнѣ и не печатаетъ.

«Еслибъ умъ и высокое образованіе, сказалъ онъ,—стали общимъ удѣломъ, то поэтамъ было бы хорошо; они могли бы быть всегда правдивы и имъ нечего было бы опасаться говорить что вздумается. Теперъ же они должны держаться извѣстнаго уровня; они должны думать, что ихъ сочиненія могутъ попасться въ руки всякаго люда, а потому есть

причина опасаться, что черезчуръ большая откровенность поэта можетъ разсердить большинство добрыхъ людей. Притомъ время—удивительная вещь. Оно тиранъ, у котораго свои причуды, и въ каждомъ вѣкѣ оно смотритъ иными глазами на то, что говорится и дѣлается. Что дозволялось говорить древнимъ грекамъ, то намъ говорить непристойно, и того, что веселило мощныхъ современниковъ Шекспира, уже не могутъ выносить англичане 1820 года, и вотъ въ послѣднее время почувствовалась потребность въ *Family-Shakspeare*¹⁾.

— Многое зависитъ и отъ формы, прибавилъ я.— Одно изъ вашихъ стихотвореній, написанное въ древнемъ тонѣ и размѣрѣ, не такъ отталкиваетъ. Останавливаешься только передъ нѣкоторыми выраженіями, но въ обработкѣ цѣлаго такъ много величія и достоинства, что кажется будто слышишь древняго сильнаго мужа; будто самъ возвратился къ героическимъ временамъ. Напротивъ, другое, въ тонѣ и размѣрѣ маэстро Аріоста, гораздо соблазнительнѣе. Оно изображаетъ сегодняшнее приключеніе, рассказанное нынѣшнимъ языкомъ, и такимъ образомъ вступаетъ въ нашъ обиходъ безо всякихъ покрововъ, отчего отдѣльныя смѣлыя мѣста кажутся чрезмѣрными.

— Ваша правда, сказалъ Гете,—отъ различныхъ поэтическихъ формъ таинственно зависятъ огромныя впечатлѣнія. Еслибъ содержаніе моихъ *Римскихъ элеій* переложить тономъ и размѣромъ Байроновскаго *Донъ-Жуана*, то оно показалось бы соблазнительнымъ.

---

¹⁾ То есть «Шекспиръ для семейнаго чтенія»,—изданія, гдѣ исключаются всѣ непристойности.

Принесли французскія газеты. Гете весьма интересовался успѣхами войны французовъ съ Испаніей, подъ начальствомъ герцога Ангюлемскаго. «За этотъ шагъ Бурбоны заслуживаютъ всяческой хвалы, сказалъ онъ,—если они пріобрѣтутъ любовь арміи, то окончательно укрѣпятся на тронѣ. А это достигнуто. Солдаты возвратятся изъ похода вѣрными королю, потому что изъ своихъ побѣдъ надъ испанцами, которыми повелѣвали сотни начальниковъ, они узнаютъ, какая разница повиноваться одному или многимъ. Армія поддержала свою старую славу, и доказала, что осталась храброй и можетъ побѣждать и безъ Наполеона».

Гете затѣмъ обратился къ исторіи и очень много говорилъ о прусской арміи во время Семилѣтней войны. Она была пріучена Фридрихомъ Великимъ къ постояннымъ побѣдамъ, отчего избаловалась и затѣмъ проиграла много сраженій вслѣдствіе чрезмѣрной самоувѣренности. Гете помнилъ малѣйшія подробности, и я дивился его счастливой памяти.

«Я считаю великимъ преимуществомъ, сказалъ онъ,—что родился въ такое время, когда настала чередъ величайшихъ міровыхъ событій и они продолжались въ теченіе всей моей долгой жизни. Я былъ живымъ свидѣтелемъ всего, начиная съ Семилѣтней войны, затѣмъ съ отдѣленія Америки отъ Англіи, далѣе отъ французской революціи и всего наполеоновскаго времени, до гибели героевъ и всего послѣдующаго. Оттого я пришелъ къ совершенно другимъ выводамъ и взглядамъ, чѣмъ тѣ, какіе возможны для людей, родившихся теперь и почерпающихъ свѣдѣнія о непонятныхъ для нихъ великихъ событіяхъ изъ книгъ. Нельзя предсказать, что принесутъ намъ слѣдующіе годы, но я боюсь, что мы не скоро еще

успокоимся. Міру не дано быть умѣреннымъ: чтобъ и великіе не злоупотребляли властью, и чтобъ массы довольствовались сноснымъ положеніемъ въ ожиданіи постепенныхъ улучшеній. Еслибъ человѣчество могло стать совершеннымъ, то стало бы мыслимо и совершенное общественное положеніе; но люди вѣчно будутъ колебаться то въ ту, то въ другую сторону, а потому одна часть будетъ страдать, а другая благоденствовать,—и эгоизмъ съ завистью, эти два злые демона, будутъ ихъ мучать, и не будетъ конца борьбѣ партій. Самое разумное, чтобъ всякій держался того дѣла, для котораго рожденъ, и чтобъ онъ не мѣшалъ другимъ дѣлать ихъ дѣло. Пусть сапожникъ сидитъ за колодкой, мужикъ идетъ за плугомъ, а государь умѣетъ править. Это также своего рода ремесло, которому надо учиться и за которое, не зная его, браться не слѣдуетъ».

Затѣмъ Гете вновь обратился къ французскимъ журналамъ. «Либералы могутъ говорить, сказалъ онъ,—вѣдь ихъ, если они говорятъ умно, слушаютъ охотно. Но роялистамъ, у которыхъ власть въ рукахъ, рѣчь не къ лицу: имъ слѣдуетъ дѣйствовать. Они могутъ двигать войска, рубить головы и вѣшать; но имъ не идетъ въ официальныхъ газетахъ оспаривать чужія мнѣнія и оправдывать свои мѣропріятія. Они могли бы говорить, еслибъ ихъ публика состояла изъ королей.—Во всѣхъ моихъ дѣлахъ и поступкахъ я всегда являлся роялистомъ. Я предоставлялъ другимъ болтать, а самъ дѣлалъ то, что считалъ хорошимъ. Я обдумывалъ вещи и зналъ, чего хотѣлъ. Дѣлая ошибку, я дѣлалъ ее одинъ, и могъ самъ ее исправить; но, еслибъ мы втроемъ, или больше, сдѣлали ту же ошибку, то исправленіе ока-

залось бы невозможнымъ, потому что, гдѣ много людей, тамъ много и мнѣній».

За объѣдомъ Гете былъ въ веселомъ расположеніи духа. Онъ показалъ мнѣ альбомъ г-жи Шпигель ¹⁾, гдѣ написалъ очень хорошіе стихи. Мѣсто въ альбомѣ ждало его уже два года, и онъ былъ весьма доволенъ, что наконецъ удалось исполнить старое обѣщаніе. Прочтя стихотвореніе, я сталъ перелистывать альбомъ и наткнулся при этомъ на много извѣстныхъ именъ. Какъ разъ на другой страницѣ было стихотвореніе Тидге ²⁾, совершенно въ родѣ и тонѣ его *Ураніи*.

«Въ порывѣ смѣлости, сказала Гете,—я хотѣлъ было написать подъ его стихами нѣсколько своихъ, но хорошо, что бросилъ это намѣреніе: уже не разъ случалось мнѣ откровенными отзывами отталкивать отъ себя добрыхъ людей и портить впечатлѣніе моихъ лучшихъ вещей. А между тѣмъ мнѣ пришлось не мало претерпѣть отъ *Ураніи* Тидге; было такое время, когда ничего ни пѣли, ни декламировали, кромѣ *Ураніи*. Куда ни придешь, *Уранія* на всѣхъ столахъ; *Уранія* и безсмертіе были предметомъ всѣхъ разговоровъ. Я никоимъ образомъ не желалъ бы лишить себя счастья вѣрить въ будущую жизнь; я могъ бы даже сказать съ Лоренцо Медичи, что кто не надѣется на будущую жизнь, тотъ

¹⁾ Жена гофмаршала; стихи были написаны въ тотъ же день.

²⁾ Тидге родился въ 1732 г., умеръ въ 1841 г. Въ юности онъ страдалъ и душевно, и тѣлесно. Послѣ тяжелой болѣзни онъ навсегда остался хромъ. Онъ достигъ житейской обезпеченности только въ старости. «*Уранія*, поэма лирическая и дидактическая о Богѣ, безсмертіи и свободѣ». Въ 1825 г. она достигла двадцатаго изданія.

мертвъ и для настоящей; но всѣ эти непостижимыя вещи такъ далеки отъ насъ, что не могутъ быть предметомъ обиходныхъ разговоровъ и мутящихъ мысли умозрѣній. И еще: тотъ, кто вѣритъ въ будущую жизнь, пусть молча наслаждается этимъ счастьемъ, но у него нѣтъ основанія воображать ее такой, или иной. По поводу *Ураніи* Тидге я, между прочимъ, замѣтилъ, что благочестивые люди, подобно дворянамъ, считаютъ себя нѣкотораго рода аристократіей. Я встрѣчалъ глупыхъ барынь, которыя гордились тѣмъ, что вмѣстѣ съ Тидге вѣрятъ въ безсмертіе и мнѣ приходилось терпѣть, когда онѣ весьма туманнымъ образомъ экзаменовали меня насчетъ этого пункта. Я ихъ сердилъ, говоря: я буду очень доволенъ, если мнѣ выпадетъ счастье, по окончаніи здѣшней жизни, узнать другую; но я желалъ бы вымолить, чтобъ со мною тамъ не встрѣчался никто изъ тѣхъ, которыя здѣсь въ нее вѣрятъ. Иначе придется мнѣ претерпѣть мученія! Благочестивыя души окружаютъ меня и заговариваютъ: «Развѣ мы не были правы? развѣ мы не говорили этого раньше? Развѣ не вышло по нашему?..» И тогда мнѣ и горѣ будутъ докучать безъ конца. Заниматься идеями о безсмертіи могутъ только высшія сословія и особенно женщины, которымъ нечего дѣлать. Но человѣкъ дѣльный, который думаетъ и на землѣ быть чѣмъ нибудь порядочнымъ, и кому поэтому приходится ежедневно стремиться, бороться и работать, оставляетъ будущую жизнь въ покоѣ, дѣлаетъ свое дѣло, и приноситъ пользу въ настоящей ¹⁾. За-

¹⁾ Изъ предъидущихъ словъ никакъ не слѣдуетъ заключать, что Гете не вѣрилъ въ будущую жизнь. Ему просто были противны безосновательныя мистическія бредни, ни къ чему не ведущія, кромѣ свѣтскаго пустословія о важныхъ вещахъ.

тѣмъ, думы о безсмертіи годны также для тѣхъ, кому здѣсь не посчастливилось, и я готовъ биться о закладъ, что, выпави доброму Тидге лучшая судьба, у него и мысли были бы лучше».

Пятница, 26-го февраля 1824.

Обѣдалъ съ Гете.—Когда убрали со стола, онъ приказалъ Штадельманну принести большія папки съ гравюрами на мѣди. На картонъ наѣла пыль, а подъ руками не было подходящаго куска матеріи, чтобъ ее вытерѣть; Гете разсердился и сталъ ворчать на слугу.

— Я тебѣ напоминаю еще разъ, сказалъ онъ ему:—что, если ты сегодня же не пойдешь и не купишь куска матеріи, о чемъ я тебя часто просилъ,—то я самъ пойду завтра и куплю, и ты увидишь, умѣю ли я держать слово! Штадельманнъ вышелъ.

— Подобное у меня вышло съ актеромъ Беккеромъ, весело сказалъ Гете:—онъ отказывался отъ роли одного изъ рыцарей въ *Валленштейнѣ*. Я приказалъ передать ему, что, если онъ не станетъ играть, то я самъ сыиграю роль. Подѣйствовало. Въ театрѣ меня знали, и знали также, что въ подобныхъ вещахъ я не шучу, и на столько безумень, что сдержу слово и сдѣлаю величайшую глупость.

— И вы, серьезно, сыиграли бы роль? спросилъ я.

— Да, сыигралъ бы, и обѣигралъ бы г. Беккера, потому что зналъ роль лучше его.

Затѣмъ мы стали разсматривать гравюры и рисунки. Гете, ради меня, производилъ осмотръ весьма старательно, и я чувствовалъ, что онъ чрезъ это желаетъ возвысить мое пониманіе искусства. Онъ мнѣ показывалъ только самое совершенное въ данномъ родѣ, и разъяснялъ намѣренія и заслуги ху-

дожника, дабы я могъ понимать мысли лучшихъ художниковъ и сразу чувствовать, что именно хорошо. «Такимъ образомъ», сказалъ онъ, «образуется то, что мы зовемъ вкусомъ. Вкусъ образуется только созерцаніемъ превосходнѣйшаго, а никакъ не сноснаго. Поэтому я показываю вамъ только самое лучшее; когда вы навькнете въ этомъ, то у васъ образуется масштабъ для остального; вы не станете цѣнить слишкомъ высоко, но просто цѣнить. И я показываю вамъ лучшее во всякомъ родѣ для того, чтобъ вы научились не презирать ни одного рода: всякій родъ можетъ доставить удовольствіе, какъ скоро большой талантъ достигаетъ его вершины. Эта картина, напимѣръ, французскаго художника, галантна, какъ ничья другая, а потому образцовое произведеніе въ своемъ родѣ ¹⁾».

Гете передалъ мнѣ листъ, и я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на него. Въ прелестной комнатѣ лѣтнаго павильона, въ отворенныя окна и двери котораго виднѣется садъ, изображена группа миловидныхъ женщинъ. Красивая дама, лѣтъ тридцати, сидитъ и держитъ въ рукахъ ноты, по которымъ только что пѣла. Подлѣ нея, нѣсколько глубже, наклонясь, сидитъ дѣвушка лѣтъ пятнадцати. Позади, у открытаго окна, стоитъ еще молодая дама; у нея въ рукахъ лютя, и она, кажется, еще продолжаетъ играть. Въ этотъ мигъ входитъ молодой человѣкъ, и на него обращаются взоры всѣхъ женщинъ; онъ, повидимому, помѣшалъ заниматься музыкой; стоя передъ ними, онъ дѣлаетъ легкій поклонъ и какъ бы извиняется за помѣху, — что, впрочемъ, благосклонно принимается дамами.

¹⁾ *Les charmes de la vie*, Ватто.

— По-моему, сказалъ Гете, — это такъ же галантно, какъ любая пьеса Кальдерона¹⁾. Вы, видѣли превосходнѣйшее въ этомъ родѣ, но что вы скажете объ этомъ? — И онъ протянулъ ко мнѣ нѣсколько офортовъ знаменитаго живописца животныхъ, Рооса²⁾. Овцы были изображены въ различныхъ положеніяхъ. Глупость фizioномій, отвратительная взъерошенность шерсти, все было изображено съ необыкновенной вѣрностью, какъ оно бываетъ въ натурѣ.

— Мнѣ всегда становится страшно, какъ я смотрю на этихъ животныхъ, сказалъ Гете. — Я начинаю какъ-то сочувствовать ихъ ограниченности, тупости, мечтательности, жвачкѣ; боишься самъ стать животнымъ, и какъ-то вѣрится даже, что самъ художникъ былъ имъ когда-то³⁾. Во всякомъ случаѣ, достойно изумленія, какъ онъ смогъ вдуматься и вчувствоваться въ души этихъ тварей, и затѣмъ выразить во внѣшней оболочкѣ съ такой вѣрностью ихъ внутренній характеръ. Изъ этого, однако, видно, что можетъ сдѣлать большой талантъ, держась сюжетовъ, аналогичныхъ ему по природѣ.

— Стало быть, спросилъ я, — этотъ художникъ не изображалъ съ такой же правдивостью собакъ, кошекъ и хищныхъ животныхъ? При такомъ великомъ дарѣ проникать въ чуждое намъ состояніе, умѣлъ ли онъ съ такой же правдивостью изображать и человѣческіе характеры?

— Нѣтъ, сказалъ Гете, — все это лежало внѣ его

¹⁾ Замѣчаніе относится собственно къ комедіямъ Кальдерона.

²⁾ Нѣмецкій художникъ, жившій въ Италіи. Умеръ въ 1705 г.

³⁾ Ср. ниже разговоръ съ Фалькомъ, въ приложеніи ко второму тому.

сферы; зато онъ не уставалъ повторительно изображать тихихъ травоядныхъ животныхъ, какъ овцы, козы, коровы и тому подобная; тутъ была специальная область его таланта, изъ которой онъ никогда не выходилъ. Ему было врождено сочувствіе къ состоянію этихъ животныхъ, ему было дано знаніе ихъ психологіи,—оттого и глазъ его умѣлъ такъ удачно схватывать ихъ обличье. Напротивъ, другія твари, можетъ быть, не были для него столь прозрачны, и потому у него не было ни призванія, ни влеченія къ ихъ изображенію.

Эти слова живо напомнили мнѣ многое, что въ этомъ же родѣ высказывалъ Гете. Такъ, раньше онъ говорилъ мнѣ, что знаніе міра врождено поэту, и что ему для его изображенія не требуется ни большого опыта, ни большого наблюденія.—«Я, говорилъ онъ,—написалъ своего Гёца молодымъ человѣкомъ двадцати двухъ лѣтъ, и десять лѣтъ спустя удивился правдивости своего изображенія. Я, разумѣется, не могъ пережить и перевидѣть ничего подобнаго, а, стало быть, долженъ былъ обладать знаніемъ многообразныхъ человѣческихъ отношеній при помощи антиципации¹⁾. Вообще, пока я не зналъ внѣшняго міра, мнѣ доставляло удовольствіе только изображеніе моего внутренняго міра. Когда же, позднѣе, я узналъ, что міръ таковъ, какимъ я его представлялъ въ мысли, то онъ мнѣ опротивѣлъ, и у меня не стало охоты изображать его. Я могъ бы даже сказать: не изображай я міра до тѣхъ поръ, пока его не узналъ, то всѣ мои изображенія превратились бы въ *persiflage*».

Въ другой разъ онъ говорилъ мнѣ: «Въ каждомъ

¹⁾ Или предзнанія, то есть знанія, предшествующаго изученію.

характеръ заключается извѣстная необходимость, извѣстная послѣдовательность, въ силу которой, при той или другой основной чертѣ, имѣются на лицо и извѣстныя второстепенныя особенности. Этому можно научиться изъ опыта, но у нѣкоторыхъ такое знаніе можетъ быть врожденнымъ. Соединилось ли во мнѣ прирожденное съ опытомъ, я разбирать не стану; но знаю одно, что, если я говорю кому нибудь въ продолженіе четверти часа, то предоставляю ему свободу говорить въ теченіе двухъ часовъ».

Гете говорилъ также про Байрона, что міръ для него былъ прозраченъ, и что для него возможно было его изображеніе при помощи предзнанія. Я выразилъ на этотъ счетъ нѣкоторыя сомнѣнія, напри-
мѣръ, что врядъ ли Байрону могло бы удался изображеніе приниженной животненной натуры, ибо по-моему его индивидуальность слишкомъ властительна, чтобъ съ любовью заняться такимъ сюжетомъ. Гете уступилъ мнѣ въ этомъ и добавилъ, что предзнаніе вообще простирается только на предметы аналогичныя таланту, и мы пришли къ соглашенію, что, по скольку предзнаніе ограничено или объемлюще, по стольку же и объемъ изобразительнаго таланта будетъ обширнѣе или ограниченнѣе.

— Ваше превосходительство, сказалъ я затѣмъ, — утверждая, что знаніе міра врождено поэту, конечно, разумѣли только внутренній (душевный) міръ, но не эмпирическій міръ явленій и отношеній; а равно, что ради того, чтобъ поэту удалось правдивое изображеніе и этого міра, необходимо изученіе дѣйствительности?

— Разумѣется, да, отвѣчалъ Гете. — Поэту врождена область любви, ненависти, надежды и сомнѣ-

нія, и всего, что зовется душевными состояніями и страстями; изображеніе этого ему удастся. Но ему не врождено, какъ творится судъ или какъ происходятъ парламентскія засѣданія или коронаціи; для того, чтобъ не погрѣшить противъ правды въ такихъ вещахъ, поэтъ долженъ усвоить ихъ себѣ изъ опыта или изученія. Такъ, въ силу предзнанія, въ моемъ распоряженіи были и мрачное пресыщеніе жизнью Фауста, и любовныя ощущенія Грехенъ, но для того, чтобъ сказать, напримѣръ:

Wie traurig steigt die unvollkommne Scheibe

Des späten Monds mit feuchter Glut heran;—¹⁾

требовалось наблюденіе природы.

— Но во всемъ *Фаустъ*, сказалъ я, — нѣтъ ни одной строки, которая не обличала бы ясныхъ слѣдовъ внимательнаго изученія міра и жизни, и никакъ не вообразишь себѣ, чтобъ это далось вамъ безъ большого опыта.

— Можетъ быть, сказалъ Гете.—Только, не носи я въ себѣ міра въ силу предзнанія, — я и со зрячими глазами остался бы слѣпъ, и всѣ мои изслѣдованія и опыты оказались бы тщетнымъ и мертвымъ трудомъ. Свѣтъ передъ нами, и краски насъ окружаютъ; но, еслибъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ не было ни свѣта, ни красокъ, то мы не воспринимали бы ихъ и извнѣ²⁾.

¹⁾ То есть: «Какъ печально входитъ съ влажнымъ блескомъ неполный кругъ мѣсяца». Любопытно, что Гете, приводя свой стихъ, нѣсколько переиначилъ его, и такимъ образомъ неожиданно получился новый варіантъ.

²⁾ Недоразумѣніе между Гете и Эккерманномъ, такимъ образомъ, осталось не вполне разрѣшеннымъ, а между тѣмъ оно касается одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ поэтическаго творчества. По нашему мнѣнію, Эккерманнъ, говоря, какъ бы въ опроверженіе мнѣнія Гете, что въ *Фаустѣ* нѣтъ ни строки

Суббота, 28-го февраля 1824.

— Есть превосходные люди, сказалъ Гете, — которые ничего не могутъ сдѣлать безъ подготовки,

«которая не обличала бы ясныхъ слѣдовъ внимательнаго изученія міра и жизни», имѣлъ въ виду по преимуществу характерность, или колоритность (*couleur locale*) изображенія. Несомнѣнно, что Гете первый сталъ вводить ее въ драму, и что она весьма сильна въ *Фаустѣ*. Его лица, сверхъ мастерской обрисовки ихъ внутренняго, или душевнаго, обличія, несятъ на себѣ отпечатокъ мѣста и времени дѣйствія. У болѣе раннихъ писателей такое обстоятельство почти отсутствуетъ; даже у Шекспира, если не всѣ, то большинство лицъ — англичане *его вѣка*; вообще, въ старину мѣстный колоритъ не наблюдался, что очевидно для всѣхъ въ картинахъ итальянскихъ мастеровъ. У Шиллера мѣстный колоритъ въ пьесахъ съ историческимъ сюжетомъ также весьма слабъ; Шиллеръ былъ писателемъ субъективнымъ и его сила въ томъ же, въ чемъ отчасти и Корнеля и Расина, именно въ изображеніи *лирическихъ* моментовъ изображаемыхъ лицъ. Колоритность лицъ, изображаемыхъ Гете, весьма ярка, и Эккерманнъ не могъ ея не замѣтить. Тѣмъ не менѣе, все сказанное Гете объ антиципации — несомнѣнная правда. Безъ такой врожденной способности немислимо созданіе вполне живыхъ и цѣльныхъ лицъ съ ясно опредѣленнымъ характеромъ и даже съ индивидуальными чертами; немислимо вѣрное угадываніе художникомъ душевныхъ состояній и волненій создаваемыхъ имъ лицъ, въ различные моменты дѣйствія. Замысль художника, какъ все органическое, развивается изнутри кнаружи; изученіе и наблюденіе даютъ только краски и собираютъ, такъ сказать, питательный матеріалъ, необходимый для окончательнаго развитія и полнаго воплощенія замысла-зародыша. Существуетъ, правда, теорія будто художественное творчество идетъ такимъ путемъ, что художникъ сперва наблюдаетъ отдѣльныя черты, потомъ дѣлаетъ изъ нихъ обобщенія, и наконецъ сливаетъ наиболѣе общіе признаки въ типъ, но она врядъ ли состоятельна и врядъ ли раздѣляется истинными крупными художниками. Гете, конечно, не слѣдовалъ ей; иначе, еслибъ его творчество шло по указанному теоріей пути, то онъ своимъ признаніемъ невольно бы подтвердилъ самую теорію, а мы видимъ совсѣмъ противное. Далѣе, мы знаемъ писателей весьма умныхъ и наблюдательныхъ, которые однако никогда

на скорую руку; ихъ природа требуетъ, чтобъ они спокойно проникали вглубь всякаго предмета. Такіе

не возвышаются до созданія вполнѣ живыхъ лицъ; имъ недостаетъ именно той способности, которую Гете объясняетъ предзнаніемъ. Отдѣльныя, вѣрно и прекрасно наблюденныя черты въ ихъ лицахъ только сопоставлены одна съ другою, или же связаны чисто внѣшнимъ способомъ, по образцу, данному настоящими художниками. Въ этомъ отношеніи было бы поучительно сравненіе писателей, повидимому однородныхъ; напримѣръ, такихъ умныхъ и наблюдательныхъ литераторовъ, какъ г. Григоровичъ и Мельниковъ съ такими несомнѣнными художниками, какъ Островскій и Писемскій. У первыхъ все наблюдено и намѣчено вѣрно, но только намѣчено, а не оживотворено; внутренняя, душевная жизнь лицъ для нихъ темна, или непрозрачна, согласно съ терминологіей Гете. — Нельзя также не замѣтить, что Гете очевидно придавалъ характерности значеніе второстепенное, а сущность видѣлъ въ провидѣніи душевныхъ свойствъ человѣка и даже животныхъ. Въ новѣйшей литературѣ, характерность получила черезчуръ преобладающее значеніе; она увлекла весьма даровитыхъ художниковъ, а за ними и публику. Стали искать ее не только во внѣшности лицъ, въ ихъ состояніи и бытовой обстановкѣ, въ особенности ихъ языка и тому подобная, но даже въ психологическихъ мотивахъ. Отсюда стремленіе къ изображенію душевнобольныхъ, съумасшедшихъ, идиотовъ, истеричныхъ, а равно къ особенно яркой и даже подчеркнутой рисовкѣ мимолетныхъ ощущеній, исключительныхъ психическихъ моментовъ. Въ этой усиленной погонѣ за характернымъ порой забываются или по крайности небрегутся высшія задачи искусства. Такое увлеченіе, охватившее съ тридцатыхъ годовъ болѣе или менѣе сильно всѣ европейскія литературы, повидимому, уже изживаетъ свое время; идти въ этомъ направленіи уже некуда, и вотъ бросаются на изображеніе фізіологическихъ и даже патологическихъ особенностей субъектовъ. Какъ всѣ увлеченія, и это имѣло свои полезныя стороны, напримѣръ, въ обращеніи наблюденія и изученія на разнообразныя характерныя черты и на вѣрность мѣсту и времени дѣйствія, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ выработкѣ, такъ сказать, литературнаго колорита. Относительно полезности литературныхъ увлеченій любопытно сужденіе Гете, которое читатель найдетъ ниже, подъ 14-мъ мартомъ 1830.

Д. А.

таланты часто испытываютъ наше терпѣніе, именно потому, что рѣдко получишь отъ нихъ то, что желается сію минуту; но такимъ-то путемъ и всходятъ къ высокому.

Я повернулъ разговоръ на Рамберга¹⁾. «Это, конечно, художникъ совсѣмъ другого сорта», сказала Гете, «очень пріятный талантъ, и притомъ импровизаторъ, не знающій себѣ равнаго. Въ Дрезденѣ онъ однажды предложилъ мнѣ дать ему сюжетъ. Я задалъ: Агамемнонъ, воротясь домой изъ Трои, сходитъ съ колесницы и ему какъ-то жутко переступить порогъ своего дома. Вы согласитесь, что это труднѣйшій сюжетъ, который потребовалъ бы отъ другого художника самыхъ зрѣлыхъ размышлений. Но, едва я кончилъ рѣчь, какъ Рамбергъ уже началъ рисовать, и я невольно подивился, какъ онъ тотчасъ вѣрно схватилъ сюжетъ. Не скрою, я желалъ бы имѣть нѣсколько его рисунковъ».

Мы затѣмъ говорили о другихъ художникахъ, которые легкомысленно относятся къ своимъ работамъ, и, наконецъ, впадаютъ въ манерность.

— Манера, сказалъ Гете, — хочетъ все сдѣлать поскорѣй; для нея нѣтъ наслажденія въ работѣ. Но настоящій, по-истинѣ большой талантъ находитъ высочайшее наслажденіе въ исполненіи. Роосъ неумоимо и рачительно рисовалъ шерсть и волну своихъ козловъ и овецъ, и изъ безконечныхъ подробностей ясно, что онъ испытывалъ при работѣ чистѣйшее наслажденіе, и никогда не думалъ о томъ, какъ бы поскорѣй кончить. Ограниченные таланты искусство само по себѣ не интересуютъ;

¹⁾ Дрезденскій профессоръ живописи. Умеръ въ 1840 г.

они во время исполненія думаютъ только о выгодѣ, которую могутъ извлечь по окончаніи работы. При такихъ мірскихъ цѣляхъ и направленіи, не выйдетъ, однако, ничего великаго.

Воскресенье, 29-го февраля 1824.

Въ двѣнадцать часовъ я пошелъ къ Гете, который пригласилъ меня прокатиться сегодня передъ обѣдомъ. Онъ завтракалъ; я сѣлъ напротивъ и сталъ говорить съ нимъ о работахъ, которыми мы совмѣстно занимались по новому изданію его сочиненій. Я совѣтовалъ ему включить въ изданіе *Бои, герои и Виландъ*, а также *Письма пастора*.

— При моей теперешней точкѣ зрѣнія, сказалъ онъ,—я не имѣю никакого сужденія объ этихъ юношескихъ произведеніяхъ. Это рѣшать вамъ, молодежи. Но я не стану хулить этихъ начальныхъ сочиненій; я, конечно, бродилъ еще тогда въ потьмахъ и стремился впередъ въ безсознательномъ порывѣ, но у меня было чувство правды, и волшебная палочка, которая указывала, гдѣ зарытъ кладъ.

Я замѣтилъ, что такъ должно быть со всякимъ большимъ талантомъ; иначе, при своемъ пробужденіи въ этомъ спутанномъ мірѣ, онъ не могъ бы упасть на правду и избѣгнуть лжи.

Между тѣмъ заложили лошадей, и мы поѣхали по Іенской дорогѣ. Мы говорили о разныхъ вещахъ; Гете упомянулъ о новыхъ французскихъ газетахъ. «Конституція во Франціи, сказалъ онъ,—у народа, въ которомъ столько испорченныхъ элементовъ, покоится совсѣмъ на другихъ основаніяхъ, чѣмъ въ Англіи. Во Франціи всего можно добиться